

I. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (1)

Введение

Андреас Умланд¹

Расцвет русского ультранационализма и становление сообщества его исследователей²

Причины, побудившие нас издать этот специальный выпуск «Форума», очевидны: к концу первого десятилетия 21-го столетия радикальное антизападничество превратилось в значимое интеллектуальное и политическое движение³, а высказывание антизападных взглядов стало политически корректным в сегодняшней

¹ Я глубоко благодарен Леониду Люксу, Антону Шеховцову, Александру Янову, Виктору Шнирельману, Борису Степанову и Александру Кузьмину за их ценную критику ранней версии этой статьи. Елена Сивуда активно помогала в улучшении языкового качества текста. За оставшиеся неточности или неверные интерпретации, однако, несу ответственность я один.

² В отличие от постсоветского дискурса, понятие «национализм» в международных общественных науках применяется не только для радикальных, но и для умеренных разновидностей этой идеологии, т.е. и для национализмов, сочетающихся с либерально-демократическими идеями как, например, доктрины некоторых антиколониальных, освободительных движений. Поэтому здесь употребляется более узкая концепция «ультранационализма». Под «ультранационализмом» подразумеваются все крайне антилиберальные и, по меньшей мере, имплицитно антидемократические этноцентристские, паннациональные и имперско-патриотические идеологии. Таким образом, и классическое евразийство, и т.н. «неоевразийство» в изложении А. Дугина рассматриваются здесь как ультранационалистические теории. Тем самым значение «ультранационализма» в данном случае шире, чем в российской политической науке и публицистике, где этот термин часто используется как синоним для биологистского расизма, откровенного фашизма или явного неонацизма. Об ультранационализме как составной, но недостаточной части «фашизма» как родового понятия см., напр.: A Fascist Century: Essays by Roger Griffin / Ed. M. Feldman. Basingstoke, 2008. P. 207-208. Ниже используемое понятие ультранационализма также отличается от своеобразного определения «русского радикального национализма в строгом смысле этого слова» Михаилом Соколовым, который на базе своей специфической концептуализации приходит в 2008 г. к выводу, что «[б]ыло бы рискованно предполагать, что история радикального национализма закончена, но в ней определён наступила пауза.» См.: Соколов М. Конец русского радикального национализм? // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 197. http://anthropologie.spb.ru/pdf/008/008_sokolov.pdf.

³ Stewart S. Die Konstruktion des Feindbilds Westen im heutigen Russland: Seine Geschichte und seine Funktionen // SWP-Studie. 2008. No. 28. http://www.swp-berlin.org/common/get_document.php?asset_id=5348.

России⁴. Об актуальности темы свидетельствует также количество и качество присланных текстов в ответ на наш *Call for Papers* от октября 2008 г. В результате широкого отклика на наш первый «призыв», мы рады сообщить, что в настоящее время (июль 2009 г.) количества полученных нами статей хватило бы для того, чтобы заполнить, по крайней мере, ещё два специальных выпуска «Форума» на тему «Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки»⁵.

Когда Леонид Люкс и Алексей Рыбаков в 2004 г. основывали русский интернетовский вариант «Форума»⁶ на базе созданного в 1997 г. немецкого печатного издания с аналогичным названием⁷, они ещё не подозревали, что одна из центральных тем этих двух журналов – а именно, сравнительный анализ радикально-антилиберальных идеологий Центральной и Восточной Европы – станет настолько злободневной в изучении российской политической и интеллектуальной жизни. В начале нового десятилетия радикальное антизападничество в РФ казалось интересным и даже значимым, но всё же, в чём-то, «любительским» предметом исследований. К концу же первого десятилетия нового века можно констатировать, что русский национализм в целом и разные российские имперские идеологии в частности, как и сопровождающее их радикальное антизападничество опять представляют собой серьёзную угрозу международной безопасности северной части евро-азиатского материка⁸.

Реальность этой опасности наглядно продемонстрировали предыстория, обоснование и результаты российско-грузинского конфликта лета 2008 года⁹. Правда, теперь уже мало сомнений в том, что крупные военные действия, т.е. массированное применение тяжелого оружия и армейских подразделений в Южной Осетии были начаты 7 августа 2008 г. не российской, а грузинской стороной¹⁰. Тем не менее, последовательность, целенаправленность и согласованность действий силовых и других российских структур на Южном Кавказе до, во время и после

⁴ Умланд А. Постсоветский национализм и будущее России // *inoСМИ.Ru*. 2008. 5 марта. <http://www.inosmi.ru/translation/240039.html>. Чтобы ограничить объём этого введения, ниже я ссылаюсь на несколько статей, которые свободно доступны в интернете и кратко излагают те или иные идеи, которые здесь остаются не до конца раскрытыми.

⁵ Мы можем рассмотреть добавочные статьи для возможной публикации до 1 июля 2010 г. Будем рады получить до этой даты тексты, соответствующие качеству ниже выставленных статей и существенно дополняющие уже принятые на данный момент тексты.

⁶ <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forumruss.html>.

⁷ <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/index.htm>.

⁸ Умланд А. На пути к новой «холодной войне»? // *Зеркало недели*. 2008. № 2(681). <http://www.zn.ua/1000/1600/61732/>.

⁹ Умланд А. Кто сказал «геноцид»? // *inoСМИ.Ru*. 2008. 10 октября. <http://www.inosmi.ru/translation/244559.html>.

¹⁰ У меня таких сомнений никогда не было – не в последнюю очередь из-за того, что Саакашвили и ранее демонстрировал не всегда добросовестное отношение к Западу и его идеалам. Дискуссии некомпетентных западных наблюдателей вокруг тбилисской «утки» о том, что регулярные российские войска начали широкомасштабное вторжение в Грузию ещё до наступления грузинских подразделений на Цхинвали, запутали обсуждение, тем не менее, значительной ответственности России за эскалацию напряжения между Тбилиси и Москвой.

тбилисской попытки взять под контроль Цхинвали делают картину этой войны, по меньшей мере, амбивалентной¹¹. Московская политика на Кавказе в целом и в отношении Грузии в частности в 2005-2008 гг. указывает на то, что руководство РФ (или, по крайней мере, его мощная фракция) приняло решение об активной «поддержке» абхазских и южноосетинских сепаратистов задолго до того, как руководство Грузии попробовало поставить точку в вопросе о статусе Южной Осетии. Россия спровоцировала эту реакцию Саакашвили множеством действий в преддверии пятидневной войны, включая официальное прекращение экономического эмбарго Абхазии и Южной Осетии, поставку оружия сепаратистам или раздачу российских паспортов жителям двух сепаратистских республик. То, что большая часть как населения, так и руководства Южной Осетии к лету 2008 г. являлись официальными подданными РФ было откровенным нарушением суверенитета Грузии и стало одним из главных оправданий введения регулярных федеральных войск в Грузию для защиты как русских «политических иммигрантов», так и новоиспечённых «соотечественников» России¹². Совокупность событий вокруг августовской войны говорит о том, что Москва в любом случае рано или поздно «вернула» бы себе две сепаратистские провинции. Вопрос был лишь в том, как именно, под каким предлогом и в какой момент это случится. Молодое руководство Грузии и её бездарный президент своими непродуманными действиями только упростили решение этой задачи для Кремля.

Есть опасение, что российско-грузинская война и отказ почти всех стран мира, включая самых близких союзников России на постсоветском пространстве, таких как Беларусь, Казахстан или Армения¹³, в признании «независимости» де-факто аннексированных Россией Абхазии и Южной Осетии, возможно, однажды будут считаться теми инцидентами, которые обозначили или даже сделали необратимым поворот в отношении РФ к бывшим колониям российско-советской империи. Возможно, это событие даже означает возрождение, в видоизменённой форме, т.н. «брежневской доктрины» ограниченного суверенитета некоторых стран, территорию которых Москва считает «своей» сферой влияния.

Перспективы будущей интерпретации исторического значения российско-грузинской войны для политики РФ в «ближнем зарубежье» пока ещё неясны. Но на сегодняшний момент уже возможно определить то событие, которое, по-видимому, обусловило понимание Путиным и его подчиненными основ их отношения

¹¹ Недавние развития в Южной Осетии имеют прямое отношение к нашему проекту, так как Президент этой самообъявленной республики, Эдуард Коккойты, является официальным членом т.н. Высшего совета Международного «Евразийского движения» под руководством Александра Дугина – главного протагониста ниже опубликованных статей. См.: <http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=1908>.

¹² Умланд А. Российский паспорт как инструмент Москвы для «собираания земель» // Зеркало недели. 2008. № 31(710). <http://www.zn.ua/1000/1550/63825/>.

¹³ Умланд А. Подставили ли Медведева? // Зеркало недели. 2008. № 38(717). <http://www.zn.ua/1000/1600/64324/>.

как к «дальнему зарубежью», т.е. к Западу, так и к западничеству внутри России, т.е. к российским демократам.

«Оранжевая революция» и эволюция идеологии путинского режима

По совпадению, акция массового гражданского неповиновения в Украине, получившая известность как «оранжевая революция», произошла в том же 2004 г., в котором был основан русскоязычный «Форум». Хотя на тот момент против своих правителей и их «политтехнологов» восстали не россияне, а украинцы, «оранжевая революция» стала знаковым событием и для российского руководства. До 2004 г. украинский политический режим при Президенте Леониде Кучме напоминал тогдашнюю российскую форму госуправления. «Поздний кучмизм» и извращение функционирования ряда демократических институтов во время последнего срока второго Президента Украины был похож на «ранний путинизм», т.е. на «управляемую демократию» первого срока второго Президента РФ, который в чём-то лишь продолжил развитие некоторых механизмов госуправления Бориса Ельцина.

Иными словами, политические процессы в России уже с самого начала президентства Путина активно манипулировались властями¹⁴. Тем не менее, режим

¹⁴ Конечно, множество таких манипуляций демократических процедур и соответствующую активность т.н. «политтехнологов» можно было наблюдать еще при Горбачеве и Ельцине. См.: Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, 2005. Однако, систематический и, в основном, односторонний характер эти подрывы конституционно зафиксированных демократических основ российского государства приобрели только при Путине. См. дискуссия об историческом значении этого явления («Russlanddebatte») в немецких интернетовских изданиях «Евразийский журнал» и «Спорные вопросы новейшей истории» конца 2008-ого – начала/середины 2009-ого гг.: Umland A. *Das postsowjetische Russland zwischen Demokratie und Autoritarismus // Eurasisches Magazin*. 2008. No. 11. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20081105>; Rahr A. *Was wir in den 90er Jahren erlebt hatten, war ein künstliches Russland // Eurasisches Magazin*. 2008. No. 11. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20081106>; Ehlers K. *Putin – ein Fehler? // Eurasisches Magazin*. 2008. No. 11. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20081107>; Umland A. *Ist Demokratie für Russland etwas «Künstliches»? // Eurasisches Magazin*. 2009. No. 1. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090105>; Below W. *Russland hat noch einen langen Weg vor sich // Eurasisches Magazin*. 2009. No. 1. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090106>; Rahr A. *Die russischen Eliten sind vom Westen tief enttäuscht // Eurasisches Magazin*. 2009. No. 1. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090107>; Ehlers K. *Worüber lohnt es sich zu diskutieren // Eurasisches Magazin*. 2009. No. 1. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090108>; Maresch R. *Zwischen Ressentiment und Appeasement // Eurasisches Magazin*. 2009. No. 1. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090109>; Luks L. *Freiheit oder imperiale Grö-*

Путина в начале первого десятилетия нового века сохранял, напоминая тактику окружения Кучмы в 1999-2004 гг., определённые элементы политического плюрализма. Хотя он уже использовал разные методы искажения смысла нормальных демократических процедур во время своего первого президентского срока, Путин тогда ещё допускал существование (хотя далеко не свободу движения) значимых оппозиционных политических и гражданских групп.

Помимо других событий, по-видимому, именно впечатляющий успех «оранжевой революции» продемонстрировал политической верхушке РФ неустойчивость полудемократии с её гибридным модусом легитимизации власти. Украинские события осени-зимы 2004 г. показали, какие риски несёт в себе лишь «мягкое», ограничительное манипулирование политическим процессом с его частичным соблюдением отдельных демократических процедур, таких как беспрепятственный допуск официальных наблюдателей к выборам или неполный контроль правительства над основными СМИ и судами. Постепенному изменению путинской командой оценки относительной эффективности различных политических стратегий, направленных на сохранение политической власти, способствовал, конечно, и ряд других событий внутри и вне России, включая:

- неожиданное свержение популярного среди российских «патриотов» Слободана Милошевича в 2000 г.,
- критическую реакцию российской общественности на поведение Путина во время кампании по спасению экипажа утонувшего подводного крейсера «Курск» в августе 2000 г.,
- дискуссии о методах и результатах освобождения заложников во время «спецопераций» российских силовых ведомств в Театральном центре на Дубровке в Москве 23-26 октября 2002 г. и в школе № 1 города Беслан 1-3 сентября 2004 г.

Очевидно, что и другие «цветные революции» или их попытки на территории бывшего СССР существенно повлияли на восприятие постсоветского мира Кремлём.

И всё же, «оранжевая революция» была, по-видимому, самым шоковым из этих событий для бывших офицеров в окружении Путина, мировоззрение которых сформировалось во время их службы в различных подразделениях КГБ, советской армии и МВД СССР: «Как это малороссы провели успешную акцию гражданского неповиновения и свергли без единого выстрела своего узурпатора, ко-

be? Anmerkungen zur politischen Kultur Russlands // Eurasisches Magazin. 2009. No. 1. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090110>; Luks L. Die Demokratie ist kein Auslaufmodell // Eurasisches Magazin. 2009. No. 2. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090206>; Maresch R. Die Entwestlichung der Welt ist längst im vollen Gang // Eurasisches Magazin. 2009. No. 3. <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?thema=Russland&artikelID=20090311>; Luks L. Die Effizienz der Demokratien ist oft trügerisch // Zeithistorische Streitfragen. 2009. 24 апреля. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/streitfragen.html#5>; Sutor B. Politischer Realismus und Werturteile // Zeithistorische Streitfragen. 2009. 19 июня. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/streitfragen.html#7>.

торый, казалось бы, имел в своих руках все рычаги госуправления?» «Если такое могло случиться даже на Украине, то, наверное, стоит опасаться развития подобной ситуации и в самой России?» - примерно такие вопросы, я полагаю, начали тревожить Путина и его соратников в результате успешных протестов сотен тысяч возмущённых «малороссов» против фальсификации президентских выборов во многих городах Украины в октябре-декабре 2004 г.

Поиск ответов на эти и похожие вопросы в связи с другими демократическими тенденциями на постсоветском пространстве был, по всей видимости, напряженным. Правда стоит упомянуть, что, по данным авторитетной мониторинговой службы *Freedom House* (досл.: Дом свободы) о развитии России в первом десятилетии нового века, второй «скачок» в путинской реставрации авторитаризма (после изначальной атаки на демократические институты 1999-2000 гг.) произошёл ещё в 2003-2004 гг., т.е. до начала и во время успешного электорального восстания в Украине¹⁵. Результаты совокупного рейтинга для измерения относительной демократичности определённой страны, составленного этой организацией, т.н. *Democracy Score* (Балл демократичности), говорят о том, что 2004 год, т.е. момент «оранжевой революции», был важной фазой не только демократизации Украины, но и реставрации авторитаризма в России¹⁶. Тогда как Украина, согласно рейтингу *Freedom House*, сделала в 2004 г. свой самый значительный сдвиг в сторону демократии, начиная с 2000-го г., Россия в этом же году по шкале *Freedom House* больше всего продвинулась по пути подрыва демократических устоев РФ с 1999 г. Если верить *Freedom House*, именно в ходе «оранжевой революции» процесс демократизации Украины существенно продвинулся, а Россия как раз в том же 2004 г. стала значительно менее демократичной.

¹⁵ Nations in Transit 2009 / Ed. Freedom House. Washington, 2009.

¹⁶ Более адекватным названием этого индикатора был бы «балл авторитарности», так как *повышение* балла указывает не на подъём, а на *упадок* демократии в данной стране. Интересными в рейтингах *Freedom House* являются скорее временные тренды, т.е. относительные изменения из года в год внутри одной и той же страны, нежели баллы как таковые или сравнение баллов разных стран одного и того же года. В сопоставлении двух или более стран баллы *Freedom House* имеют только ориентировочное значение, так как рейтинги составляются страноведами, оценивающими только «свою» страну, а не все страны мира. Так, например, сегодняшний Балл демократичности для России близок к соответствующему баллу Туркменистана, что, несмотря на здесь представленную критику путинского антидемократизма, может ввести неосведомлённого читателя таблиц *Freedom House* в заблуждение. Мне кажется, что *Freedom House* мог бы довольно просто решить эту проблему путём увеличения гаммы баллов до 10,00. Тогда бы баллы 7,00-9,99 могли бы применяться для характеристики трендов в странах, общественный строй которых более или менее близок к идеальному типу «тоталитарного государства», т.е., например, для отображения изменений в сегодняшних политических режимах Северной Кореи, Бирмы или Туркменистана. Конечно, и такое расширение шкалы не решило бы проблему неполной сравнимости баллов для разных стран.

Табл. 1: Совокупный Балл демократичности агентства *Freedom House* для Украины и России за последние десять лет (наихудший балл: 7,0; наилучший балл: 1,0) и изменения в рейтинге по сравнению с предыдущим годом.

Страна	Год	1999 -2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
УК- РАИНА	Рейтинг	4,63	4,71	4,92	4,71	4,88	4,50	4,21	4,25	4,25	4,39
	Измене- ние рей- тинга		+0,08	+0,21	-0,21	+0,17	-0,38	-0,29	+0,04	--	+0,14
РОС- СИЯ	Рейтинг	4,58	4,88	5,00	4,96	5,25	5,61	5,75	5,86	5,96	6,11
	Измене- ние рей- тинга		+0,30	+0,12	-0,04	+0,29	+0,36	+0,14	+0,11	+0,10	+0,15

Источник: Table 9. Democracy Score: Year-To-Year Summaries by Region // Nations in Transit 2009 / Ed. Freedom House. Washington 2009.

Относительно этой таблицы важно учесть, что баллы разных стран указанные для определённого года, на самом деле относятся к предыдущему году, т.е., например, указанные рейтинги для Украины и России 2005 года выражают оценки специалистов *Freedom House* развитий с 1 января по 31 декабря 2004 года¹⁷. Таким образом, изменения, выделенные в рейтинге под заголовком «2005», отображают изменения к концу 2004 г. по сравнению с концом 2003 г.

Относительно резкое *снижение* балла для Украины, т.е. *повышение* её демократического рейтинга – очевидный результат «оранжевой революции» 2004 г., указывающий на существенное влияние этого события на украинскую политическую систему. Сравнительно резкий *рост* этого балла в случае России, т.е. *упадок* демократичности РФ отображает определённую смену стратегии московской верхушки примерно того же времени. До 2003 г. т.н. «политическая технология» Кремля была, видимо, направлена, как уже было сказано, «всего лишь» на частичное регулирование ещё относительно плюралистического политического процесса страны. В ходе же электорального цикла 2003-2004 гг. начинается неприкрытое нарушение соответствующих статей Конституции РФ, т.е. набирает обороты принципиальный отход от заложенных в основном законе демократических фундаментов современного российского государства¹⁸.

В развитии постсоветской демократии в первом десятилетии нового века год «оранжевой революции» оказался (по шкале *Freedom House*) как для Украины, так и для России судьбоносным: самые чёткие изменения этого совокупного рейтинга обеих стран произошли именно в 2004-ом году.

¹⁷ Личная переписка с ведущим экспертом *Freedom House* по РФ Робертом Ортгунгом.

¹⁸ Nußberger A. Verfassungsmässigkeit der jüngsten Rechtsreformen in Russland // Russland-Analysen. 2005. No. 57. P. 2-5.

Развитие путинского режима после «оранжевой революции»

2003-2004 гг. были, несомненно, периодом существенного усиления подрыва демократических основ РФ со стороны нового, всё более контролируемого т.н. силовиками, российского руководства. Эти изменения отобразены в развитии Балла демократичности *Freedom House* за 2004-2005 гг. Тем не менее, неким поворотным пунктом в эволюции путинской России представляется скорее последующий, «посторанжевый» период, который начался в конце 2004 г. и продолжался до начала президентского срока Дмитрия Медведева в 2008 г.¹⁹ В статье, опубликованной в октябре 2005 г. немецкая исследовательница российской политики Маргарета Моммзен пишет о переходе путинской России, к этому моменту, от «управляемой» к «имитированной демократии»²⁰. Чем оправдано такого рода переопределение?

Если до 2004 г. путинская стратегия разложения демократических структур РФ могла характеризоваться как «негативная» в том смысле, что она была нацелена на отстранение определённых политиков и активистов от рычагов политической власти и общественного влияния, то вследствие «оранжевой революции» поведение российского руководства приобретает, условно говоря, «позитивный» характер. Тогда как подрыв демократических институтов и процедур в 1999-2004 гг. являлся классически авторитарным и «лишь» означал всё более жёсткое ограничение деятельности альтернативных и оппозиционных структур, то с конца 2004 г. политика путинского окружения приобретает «паратоталитарные» черты²¹. Имеется ввиду, что влияние Президентской администрации на политиче-

¹⁹ О непосредственной реакции Кремля, его представителей и российских СМИ на украинские события 2004 г.: Kuzio T. Russian Policy toward Ukraine during the Elections // *Demokratizatsiya*. 2005. Vol. 13. No. 4. P. 491-517; Petrov N., Ryabov A. Russia's Role in the Orange Revolution // *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough* / Ed. A. Aslund, M. McFaul. Washington, 2006. P. 145-164; Khineyko I. The View from Russia: Russian Press Coverage of the 2004 Presidential Elections in Ukraine // *Aspects of the Orange Revolution II: Information and Manipulation Strategies in the 2004 Ukrainian Presidential Elections* / Ed. B. Harasymiw, O.S. Pnytzkyj. Stuttgart, 2007. P. 107-139; Wilson A. Foreign Intervention in the 2004 Elections: «Political Technology» versus NGOs // *Aspects of the Orange Revolution III: The Context and Dynamics of the 2004 Ukrainian Presidential Elections* / Ed. I. Bredies, A. Umland, V. Yakushik. Stuttgart, 2007. P. 200-235; Kempe I., Solonenko I. Foreign Involvement and International Orientation in the Orange Revolution // *Aspects of the Orange Revolution IV: Foreign Assistance and Civic Actions in the 2004 Presidential Elections* / Ed. I. Bredies, A. Umland, V. Yakushik. Stuttgart, 2007. P. 19-80; *The Commonwealth of Independent States // Aspects of the Orange Revolution V: Institutional Observation Reports on the 2004 Presidential Elections* / Ed. I. Bredies, A. Umland, V. Yakushik. Stuttgart, 2007. P. 211-221; Wilson J.L. Coloured Revolutions: The View from Moscow and Beijing // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2009. Vol. 25. Nos. 2-3. P. 369-395.

²⁰ Mommsen M. Rußland unter Putin: Von der gelenkten zur imitierten Demokratie // *Osteuropa*. 2005. Vol. 55. No. 10. P. 160-164. См. также: idem. Putins «gelenkte Demokratie»: «Vertikale der Macht» statt Gewaltenteilung // *Russland heute: Rezentralisierung des Staates unter Putin* / Ed. M. Buhbe, G. Gorzka. Wiesbaden, 2007. P. 235-252.

²¹ Введение неологизма «паратоталитарный» для описания путинской посторанжевой политики инспирировано употреблением Роджером Гриффином термина «пара-фашизм» для обозначения

ский процесс начиная с 2005 г. несёт уже не только реактивно-обструктивный, а всё более активный и мобилизационный характер. При этом Кремль креативно применял и применяет как новейшие информационные и пиар-технологии, так и различные (иногда импортированные с Запада) методы театрализации и/или сакрализации политических событий и акций²². Связанное с этим более рафинированное управление политическим процессом труднее уловить традиционным арсеналом индикаторов демократичности, сфокусированных на разных способах подавления политических прав и свобод (цензура, преследования, аресты и т.д.) руководством данной страны. Видимо поэтому, 2005-2008 годы по рейтингу *Freedom House* оказались, несмотря на указанные новые тенденции этих лет, менее драматичными, чем 2003-2004 гг.²³

Самым явным – хотя, возможно, и не самым существенным – выражением модификации путинского курса во второй половине первого десятилетия 21-го века в области внутренней политики было, в сущности, восстановление однозначного монизма в партийной системе страны (и без того, правда, не очень политически значимой). Проведённое с удивительной политической бесцеремонностью возвращение однопартийности произошло путём превращения «Единой России» из гегемониальной политической структуры во всесторонне господствующую партию и во фракцию, почти полностью контролирующую подавляющее большинство парламентов РФ²⁴. В начале десятилетия иногда создавалось впечатление, что Путин, возможно, хочет «сверху» создать двухпартийную систему. Однако, его решение возглавить список «Единой России» на парламентских выборах 2007 г. (хотя до сих пор он не является членом этой партии) и набравший на тот момент обороты культ личности вокруг него (напр., введение понятия «нацио-

ния таких режимов как Испания Франко, Португалия Салазара или Аргентина Перрона. См.: Griffin R. *The Nature of Fascism*. L., 1993. Как станет ясно ниже, я пока что (т.е. на август 2009 г.) не считаю РФ ни фашистским, ни протофашистским государством.

²² Хотя такого рода действия напоминают политику тоталитарных режимов, они остаются «паратоталитарными», так как отсутствуют более существенные черты тоталитаризма, такие как массовый террор или революционная идеология. Путинские «политтехнологии» скорее развивают далее отдельные инструменты тоталитаризма, нежели создают или хотят создать тоталитарное государство.

²³ Как указано выше, более скромные оценки изменений в РФ 2005-2008 гг. *Freedom House*, возможно, связаны с тем, что гамма баллов ограничена до 7,0 и, таким образом, отображение «паратоталитаризма» в РФ могло слишком быстро поставить Россию на один уровень с реальным тоталитаризмом, например, Туркменистана.

²⁴ Стоит добавить, что сегодняшняя де-факто однопартийная система РФ, в отличие от системы бывшего СССР, декорирована несколькими добавочными маргинальными думскими фракциями. Эти более или менее подконтрольные Кремлю или существующие по воле кремлёвских «политтехнологов» структуры напоминают «блоковые партии» (или «блок-флейты», как их называли восточные немцы) бывшей Германской Демократической Республики – хорошо знакомые Путину со времён его службы в качестве резидента КГБ в Дрездене в 1985-1990 гг. См.: Умланд А. Критика сравнения ельцинского и путинского периодов с исторической перспективы // *inoСМИ.Ru*. 2008. 30 ноября. <http://www.inosmi.ru/translation/245728.html>. Подробнее о развитии российской партийной системы за последние годы: Buhbe M., Makarenko B.I. *Das Mehrparteiensystem im neuen Russland // Russland heute*. P. 273-291; Gelman V. *Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 6. P. 913-930.

нального лидера») развеяли надежды на то, что Путин рассматривает свой режим как всего лишь переходно-авторитарный²⁵.

Ура-патриотические экстазы избирательных кампаний 2007-2008 гг. и фактический отказ российского руководства миссии Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ в возможности проведения содержательного мониторинга думских и президентских выборов этих лет были неким апогеем мутации путинского режима из классического в нео-авторитарный строй с «паратоталитарными» тенденциями²⁶. Началось это перевоплощение уже в начале 2005 г. Оно было явной реакцией, в первую очередь, на «оранжевую» революцию, но частично также и на другие «цветные революции». Среди наиболее знаковых результатов «творческих» выводов, сделанных Кремлём из событий в Украине 2004 г. было спешное создание или решительная активизация ряда агрессивно проправительственных молодёжных движений, как и различные акции этих группировок в 2005-2008 гг. Среди таких образований особенно знаменитым стало т.н. Молодёжное демократическое антифашистское движение «Наши», основанное уже в конце февраля 2005 г.²⁷, т.е. примерно через месяц после инаугурации Виктора Ющенко как Президента Украины. Примечательно, что Евразийский союз молодёжи, организация, имеющая прямое отношение к явлениям, проанализированным в наших спецвыпусках ниже, также была создана в конце февраля 2005 г. Стоит отметить также созданные в 2005 году т.н. Движение молодых политических экологов Подмосковья «Местные» и Всероссийскую общественную организацию «Молодая Гвардия Единой России» под руководством популярного телепродюсера Ивана Демидова, являющегося поклонником Александра Дугина²⁸.

Другими значимыми нововведениями похожего характера в том же 2005 г. являлись Общественная палата РФ²⁹, День народного единства 4 ноября и создание двух проправительственных телеканалов – православный «Спас»³⁰ и англоязычный «Russia Today»³¹. Впоследствии Кремль предпринял ряд схожих шагов на-

²⁵ Умланд А. Кремлёвский перегиб // inoСМИ.Ru. 2007. 15 октября. <http://www.inosmi.ru/translation/237223.html>.

²⁶ Rjabow A.W. Gelenkte Wahlen 2007-2008: Gesetzgebungsreform und Veränderungen innerhalb der Regierung // Russland heute. P. 255-272.

²⁷ Schmid U. Nashi – Die Putin-Jugend: Sowjettradition und politische Konzeptkunst // Osteuropa. 2006. Vol. 56. No. 5. P. 5-18.

²⁸ Коровин В., Попов Д. Иван Демидов: Русскому народу необходимо поставить себе цель // Евразия: Информационно-аналитический портал. 2007. 4 ноября. <http://www.evrazia.org/article.php?id=164>; Umland A. Fascist Tendencies in Russia's Political Establishment: The Rise of the International Eurasian Movement // Russian Analytical Digest. 2009. No. 60. P. 13-17. http://se2.isn.ch/serviceengine/Files/RESSpecNet/100499/ipublicationdocument_singledocument/D556D860-B6FF-406A-9E66-75265D938656/en/Russian_Analytical_Digest_60.pdf.

²⁹ <http://www.oprf.ru/ru/about/>.

³⁰ Телепроект «Спас» имеет прямое отношение к нашему проекту, так как на этом канале работали некоторое время упомянутые «неоевразийцы» Иван Демидов и Александр Дугин.

³¹ См.: Schmidt D. Eine Wertelücke zwischen Russland und dem Westen? Vorläufige Anmerkungen zu einem schwierigen Diskurs // Russland-Analysen. 2005. No. 70. P. 2-5. <http://www.laenderanalysen.de/russland/pdf/Russlandanalysen070.pdf>.

правленных на создание искусственного гражданского общества и националистической массовой культуры с антизападническим уклоном. Среди этих проектов стоит выделить серию новых «патриотических» художественных кинофильмов³², телевизионных документаций и школьных учебников истории созданных и/или распространяемых по инициативе или при поддержке Президентской администрации и Правительства РФ³³. Особого упоминания достоин основанный в январе 2008 г. т.н. Институт демократии и сотрудничества с филиалами в Париже и Нью Йорке под руководством двух профессоров МГИМО, Наталии Нарочницкой и Андраника Миграняна, известных своей яркой критикой либеральной демократии и тесного сотрудничества с Западом. В мае 2009 г. указом нового Президента РФ Дмитрия Медведева была создана т.н. Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Ответственным секретарём Комиссии назначен вышеупомянутый поклонник дугинского «неоевразийства» Иван Демидов³⁴.

Подъём российского антизападничества после «ЦРУшного путча» в Киеве

Наряду с этими тенденциями во время успешного совершения «оранжевой революции», т.е. в конце 2004 г., наблюдается заметное ускорение процесса отчуждения между Россией и Западом. Например, 6 декабря 2004 г., т.е. ещё до третьего тура украинских президентских выборов этого года, Путин на пресс-конференции в Анкаре делает одно из своих первых колоритных высказываний сигнализирующих грядущее кардинальное изменение в отношениях России с Западом: «Знаете, что меня особенно беспокоит применительно к ситуации, которая складывается на Украине? ... Не хочу, чтобы, как в Германии, мы разделили Европу на восток и запад, на людей первой и второй категории, первого и второго сорта. Когда люди первого сорта имеют возможность жить по демократическим стабильным законам, а второму – людям с, образно говоря, тёмным политическим цветом кожи – добрый, но строгий дядя в пробковом шлеме будет указывать ту самую политическую целесообразность, по которой он должен жить. А если не-

³² Об этом явлении в целом: Hashamova Ya. *Pride and Panic: Russian Imagination of the West in Post-Soviet Film*. Bristol, 2007.

³³ Siegl E. Von Stalins Sieg zum Sieg Putins: Der Kreml und sein Geschichtsbild // *Russland-Analysen*. 2007. No. 148. P. 2-4. <http://www.laender-analysen.de/dlcounter/dlcounter.php?url=../russland/pdf/Russlandanalysen148.pdf>; Ejdelman T. War Stalins Politik «effektiv»? Skandale um neue Geschichtsbücher in Russland // *kultura*. 2008. No. 1. P. 3-8. http://www.kulturaruss.de/kultura_dokumente/ausgaben/deutsch/kultura-2008-01.pdf.

³⁴ См.: Немецкий историк о «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории» // *Deutsche Welle*. 2009. 28 мая. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4287922,00.html>.

благодарный туземец будет возражать, то его накажут с помощью бомбовой, ракетной дубинки, как это было в Белграде. ... Хотел бы подчеркнуть ещё раз, что только сам народ в любой стране, это касается в полном объёме и Украины, может решить свою судьбу»³⁵.

В своей книге «Авторитарный бумеранг: российское сопротивление демократизации в бывшем Советском Союзе» Томас Амброзио пишет, что «результаты украинских президентских выборов фундаментально изменили то, как Кремль воспринимает внешнюю поддержку демократии на [постсоветском] пространстве... Вследствие "оранжевой революции" формируется рутинная схема, по которой Россия на постоянные западные жалобы насчёт недостатка свободы и справедливости выборов отвечает обвинениями в лицемерии... Оппоненты режима [Путина внутри РФ] представляются членами "пятой колонны", которые готовы торговать независимостью России для внедрения западных идей. Поддержка российской демократии извне рассматривается как ширма для неокOLONиализма»³⁶.

17 мая 2005 г., менее чем через четыре месяца после инаугурации Виктора Ющенко в результате «оранжевой революции», заместитель главы Президентской администрации РФ Владислав Сурков в полуофициальной речи на заседании генсовета предпринимательского объединения «Деловая Россия» в Москве впервые представляет свою концепцию «суверенной демократии»³⁷, впоследствии ставшей негласной руководящей идеей российской авторитарной реставрации (по крайней мере, до избрания Дмитрия Медведева Президентом РФ в 2008 г.)³⁸. По мнению Амброзио «речь Суркова должна рассматриваться как идеологический ответ на события в Грузии и Украине. Его упоминание "оранжевой революции" указывало на страх Кремля перед тем, что свержение авторитарных режимов через народные восстания может дальше распространяться по [постсоветскому] региону – с предполагаемой помощью и/или под руководством Запада.... Озабоченность тем, что внешняя критика может привести к ослаблению российского правительства и, таким образом, предоставить возможность внешнего контроля [Россией] базировалась частично на восприятии западного вмешательства в "оранжевую революцию". Идея о том, что Запад может попро-

³⁵ http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/06/1409_type63380_80827.shtml.

³⁶ Ambrosio T. *Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union*. Farnham, 2009. P. 57-58, 60, 66. Некоторые добавочные размышления на эту тему в статье: Umland A. Introduction to *Aspects of the Orange Revolution I-VI: Ukraine's Second Transition in the Russian Mirror // Aspects of the Orange Revolution I: Democratization and Elections in Post-Communist Ukraine / Ed. P. D'Anieri, T. Kuzio*. Stuttgart, 2007. P. 7-16.

³⁷ Меликова Н. Суверенитет важнее демократии: обнародованы основные положения речи кремлёвского идеолога Суркова // Независимая газета. 2005. 13 июля. http://www.ng.ru/politics/2005-07-13/1_suverenitet.html.

³⁸ Казанцев А. «Суверенная демократия»: Структура и социально-политические функции концепции // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. № 1. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Kazancev.pdf>; Schulze P.W. *Souveräne Demokratie: Kampfbegriff oder Hilfskonstruktion für einen eigenständigen Entwicklungsweg? Die Ideologische Offensive des Vladislav Surkov // Russland heute*. P. 293-312.

бовать повторить свои прежние успехи путём подрыва легитимности Кремля и пособничества народному восстанию была широко распространена в российских политических кругах [после украинской акции массового неповиновения]»³⁹.

Начавшийся в конце 2004 г. процесс модификации общих внутри- и внешнеполитических приоритетов сопровождался серией всё более резких высказываний Президента Путина в отношении как Запада – особенно США, так и российских западников – особенно политически либерально настроенных партийных и гражданских активистов. В них российский Президент с высоких российских и иностранных трибун публично одобрял параноидальное видение современного мира и радикальный антиамериканизм, которые объединяли различных российских ультра со времён распада СССР – включая «левых» коммунистов-зюгановцев, «правых» неонацистов и таких самозванных «центристов», как Владимир Жириновский или Александр Дугин.

Для западной общественности знаковым событием в этом отношении была известная речь Путина на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2007 г. В России же Путин позволял себе как до, так и после своей мюнхенской речи – ещё более ярые высказывания в отношении Запада (в первую очередь США), в том числе и употребление биологических метафор для описания предполагаемых врагов российского государства. Так, например, в своём президентском послании от 2006 г. он назвал США «товарищем волком», который пользуется наивностью других стран касательно сущности американской внешней политики, для достижения собственных целей в ущерб интересам других народов. Во время предвыборной речи в ноябре 2007 г. Путин подверг российских либералов едва завуалированному обвинению в измене родине, заявив, что «к сожалению, находятся и внутри страны те, кто шакалит у иностранных посольств»⁴⁰.

Главными политическими оппонентами «Единой России» в мировоззрении, усиленно пропагандируемом путинским Кремлём и его СМИ после украинских событий 2004 г., являются уже не внутривнутриполитические конкуренты, такие как «Справедливая Россия» или КПРФ – и даже не «Другая Россия». В новом политическом мире, созданном в воображении Кремля, скорее ЦРУ, МИ5, фонд Джорджа Сороса «Открытое общество» и ряд других западных структур представляют те силы, против которых Путину и его команде приходится бороться, так как именно эти организации ответственны за «цветные революции» или их попытки – если не за все судьбоносные политические события последней четверти века на постсоветском пространстве (а, возможно, и за его пределами).

Надо отметить, что такого рода оценки начали входить в дискурс российского мейнстрима уже с начала президентства Путина в 2000 г., если не раньше⁴¹. Од-

³⁹ Ambrosio T. *Authoritarian Backlash*. P. 72, 76.

⁴⁰ Умланд А. Путинские «шакалы» // *inoСМИ.Ru*. 2007. 30 ноября. <http://www.inosmi.ru/translation/238117.html>.

⁴¹ Shlapentokh V. *The Rise of Russian Anti-Americanism after September 2001: Envy as a Leading Factor* // *Johnson's Russia List*. 2002. No. 6227. <http://www.cdi.org/russia/johnson/6227-3.cfm>.

нако, в первые годы усиливающегося влияния идеологов антизападничества в российском истеблишменте этот процесс оказывал относительно небольшое влияние на российское население в целом. Правда, отрицательное отношение к западной политике и культуре среди многих россиян⁴² и радикальное антизападничество в российских элитных кругах начали распространяться уже с середины девяностых⁴³. Видимо, это явление было связано как с общим ростом ксенофобских тенденций, начавшемся примерно в 1994 г.⁴⁴, так и с негативной реакцией практически всей российской политической и интеллектуальной элиты на западное стремление расширить НАТО на Центрально-Восточную Европу в те же годы⁴⁵. Но всё же, выраженный антиамериканизм до первой половины текущего десятилетия, несмотря на уже ранее существенный медийный успех пропагандистов русского «особого пути» и неоимпериализма, был относительно низким или, по крайней мере, нестабильным среди большинства россиян.

Это наводит на мысль, что заметное ухудшение отношения граждан РФ к внешнему миру в целом и к США в частности к концу этого десятилетия связано не только с новыми международными развитиями как таковыми. Оно, видимо, в значительной мере следствие перемен в риторике высшего руководства РФ с середины десятилетия – в свою очередь явно имеющими отношение к выводам, сделанным путинским окружением из украинских событий 2004 г. и других вышперечисленных происшествий 1999-2004 гг. Радикальное антизападничество является составной частью этого перелома в публичной российской политике. До начала 21-го века конфликты между разными российскими партиями, программами, блоками, лагерями, регионами, группами интересов и т.д. определяли, как и в других странах, сущность публичных политических дебатов в РФ. Примерно с 2005 г. в общественной жизни стали доминировать дебаты о конфликте России и Запада в целом, как и о противостоянии между путинской командой и предполагаемыми «агентами влияния» демонизированных в России США⁴⁶.

⁴² Дилигенский Г. «Запад» в российском общественном сознании // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 5-19; Дубин Б. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии России // *Неприкосновенный запас*. 2001. № 3(17). <http://magazines.russ.ru/nz/2001/3/dub.html>.

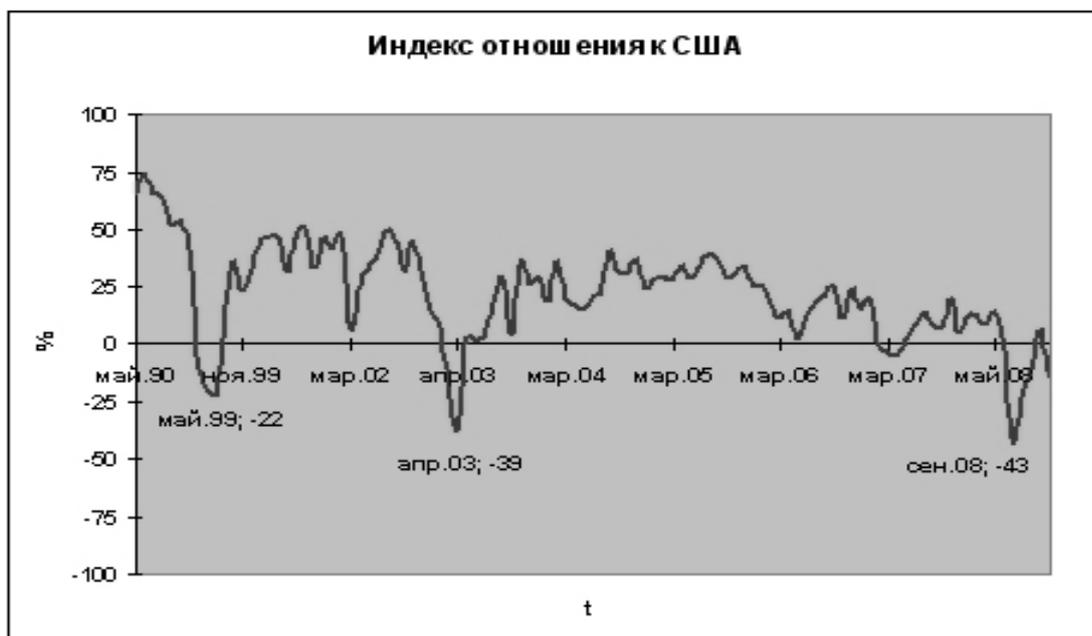
⁴³ Truscott P. *Russia First: Breaking with the West*. L., 1997; Shiraev E., Zubkov V. *Anti-Americanism in Russia: From Stalin to Putin*. Basingstoke, 2000; Tsygankov A. *Whose World Order: Russia's Perception of American Ideas after the Cold War*. Notre Dame, 2004.

⁴⁴ Гудков Л. Динамика ксенофобии в постсоветской России // *Вестник Института Кеннана в России*. 2002. № 1. С. 49-61; Леонова А. Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994-2003 гг. // *Вестник общественного мнения*. 2004. № 4(72). С. 83-91; Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // *Pro et Contra*. 2005. Т. 9. № 2. С. 6-24.

⁴⁵ Gardner H. *Dangerous Crossroads: Europe, Russia and the Future of NATO*. Westport, 1997; Black J.L. *Russia Faces NATO Expansion: Bearing Gifts or Bearing Arms?* Lanham, NY, Oxford, 2000; Umland A. *Die Rezeption der NATO-Entscheidung zur Osterweiterung in Rußland* // *Neue Politischer Literatur*. 2002. Vol. 47. No. 3. P. 467-472. [⁴⁶ Уmland А. Национализм и Россия // *inoСМИ.Ru*. 2008. 23 января. <http://www.inosmi>.](http://ku-eichstaett.academia.edu/AndreasUmland/Papers/85678/Die-Rezeption-der-NATO-Entscheidung-zur-Osterweiterung-in-Ru%C3%9Fland--Besprechungsaufsatz-; Zimmermann W. The Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives, 1993-2000. Princeton, 2002.</p></div><div data-bbox=)

Конечно, рост русского антиамериканизма связан и с рядом, мягко говоря, непродуманных шагов администрации Джорджа Буша (младшего) – в первую очередь с вторжением военных сил США в Ирак в 2003-м году⁴⁷. Однако динамика реакции российской общественности на предыдущую воздушную интервенцию НАТО в Югославии в 1999 г. говорит о взаимодействии разных факторов, влияющих на российское общественное мнение. Видимо, не только и не столько сами эти непопулярные как в России, так и во всем мире акции Запада, сколько их оценка значимыми российскими политиками, журналистами и экспертами, и определение ими общих целей внешней политики США сыграли важную роль в развитии видения американской внешней и внутренней политики большинством населения России во время правления Путина. Как отметил Лев Гудков: «У населения (иные политологи по инерции или по лени рассматривают его как "народ", как коллективного субъекта действия) нет какого-то своего самостоятельного отношения к Америке, которое могло бы возникнуть под воздействием интересов или спонтанных обстоятельств, независимо от доминирующего института, группы или от всей системы институтов (если говорить о тоталитарном и посттоталитарном обществе), задающих и воспроизводящих образцы отношения к символическим объектам»⁴⁸.

Рис. 1: Индекс отношения к США (различие между позитивными и негативными оценками, в %) май 1990 – май 2009

Источник: Левада-Центр. 2009. <http://www.levada.ru/press/2009061004.html>.

[ru/translation/239095.html](http://www.levada.ru/translation/239095.html).

⁴⁷ Zvonovsky V. The New Russian Identity and the United States // *Demokratizatsiya*. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 101-114.

⁴⁸ Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // *Мониторинг общественного мнения*. 2002. № 2. Здесь цит. по: он же. *Негативная идентичность: Статьи 1997-2001 годов*. М., 2004. С. 499.

Если, к примеру, уровень антиамериканизма в российском обществе сразу после бомбардировок самолётами НАТО Сербии в марте-июне 1999 г. резко вырос⁴⁹, он удивительно быстро вернулся на относительно низкий уровень 1997-1998 гг. уже к середине 2000 г. (см. *Рис. 1*)⁵⁰. В своём докладе последующего 2001 г. московский Фонд общественного мнения указал на следующий парадокс: «За два года, прошедшие с момента международного кризиса [1999 г.], вызванного событиями вокруг Югославии, ни в политике США и НАТО, ни в отношениях между Россией и Западом не произошло каких-либо сдвигов, способных подтвердить надежды на серьёзное улучшение ситуации. В течение этого времени продолжалось осуществление расширения НАТО на Восток, обострился конфликт между Россией и западными странами в связи с возобновлением военных действий в Чечне, были озвучены неприемлемые для России планы новой американской Администрации, направленные на создание национальной системы ПРО и отказа от договора 1972 г., провозглашена линия на ужесточение политики Вашингтона по отношению к России, действия НАТО в Косово и Македонии вновь подтвердили, что альянс игнорирует российские позиции по проблемам бывшей Югославии. Весьма примечательно, что в этих условиях в российском общественном мнении устойчиво продолжали преобладать ориентация на укрепление партнёрских отношений с западными странами, а негативное отношение к Западу, в том числе к США, столь же устойчиво оставалось ... маргинальной позицией по сравнению с преобладающим нейтральным и позитивным отношением»⁵¹. Всплеск же антиамериканизма весной 2002 г. был явно связан со ссорами вокруг реального уровня успехов российских спортсменов и спортсменок на Олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити. По окончании игр отношение россиян, как и в случае с югославским инцидентом, быстро вернулось на прежний уровень.

Можно предположить, что эти развития были связаны с тем, что к концу прошлого-началу нового тысячелетий в официальном политическом дискурсе России ещё не было той настойчивой неприязни к США⁵², которая к концу этого десятилетия проникла в умеренной форме в некоторые внешнеполитические правительственные документы, а в агрессивной форме стала доминировать в большинстве соответствующих информационных, политических и интеллектуальных телерадиопрограмм, газетных и журнальных статей – не говоря уже о политиче-

⁴⁹ Shlapentokh V. The Balkan War, the Rise of Anti-Americanism and the Future of Democracy in Russia // International Journal of Public Opinion Research. 1999. Vol. 11. No. 3. P. 275-284. <http://ijpor.oxfordjournals.org/cgi/reprint/11/3/275.pdf>.

⁵⁰ См. тоже: Levinson A. «Fairly Good»: What do Russians really think of the United States? // Johnson's Russia List. 2002. No. 6268. <http://www.cdi.org/russia/johnson/6268.htm>.

⁵¹ См.: «Запад» и российское общество // База данных ФОМ. 2001. 12 июля. http://bd.fom.ru/report/cat/pro_snv/dd012541. См. также: Gerber T.P., Mendelson S.E. Young, Educated, Urban – and Anti-American: Recent Survey Data from Russia // PONARS Policy Memos. 2002. No. 267. http://www.csis.org/media/csis/pubs/pm_0267.pdf.

⁵² Becker J.A. Soviet and Russian Press Coverage of the United States: Press, Politics and Identity in Transition. Basingstoke, 2003; Black J.L. Vladimir Putin and the New World Order: Looking East, Looking West? Lanham, 2003.

ской книжной публицистике, большая часть которой на сегодняшний день одержима различными теориями американского, западного, масонского, еврейского и других заговоров против России⁵³.

Несмотря на то, что исламско-арабский Ирак является для русских менее значимой страной, чем православно-славянская Сербия, реакция российской общественности на интервенцию США на Ближнем Востоке весной 2003 г. была более «последовательной» в том смысле, что она являлась как выражением, так и усилителем общего роста антиамериканизма⁵⁴. Это указывает на то, что сегодняшняя фундаментально отрицательная оценка США российскими СМИ и политической элитой является, помимо негативного восприятия россиянами политики Буша-младшего как таковой, важным фактором роста «народного» антиамериканизма в России⁵⁵. Российское общество, таким образом, на сегодняшний день более или менее преодолело описанный Владимиром Шляпентохом в 2001 г. раскол между правящим классом и массами, которые ещё в начале десятилетия были значительно менее антизападническими, чем большинство ведущих политических комментаторов и значительная часть интеллектуальной элиты РФ⁵⁶.

На то, что население России коренным образом переосмысливает своё отношение к Западу в целом указывает и то, что за последние годы происходит медленное, но постоянное ухудшение оценки – до середины этого десятилетия относительно «популярного» среди большинства россиян – Европейского Союза (см. *Рис. 2*). Как указывал, среди прочих, Леонид Седов, «характеристики отношения [россиян] к ЕС и США сопряжены друг с другом»⁵⁷.

⁵³ Наводнение российского книжного рынка множеством конспирологических пасквилей документируется с ноября 2007 г. в последней секции двухнедельного электронного дайджеста «The Russian Nationalism Bulletin». Издания бюллетеня свободно доступны на сайте: http://groups.yahoo.com/group/russian_nationalism/messages.

⁵⁴ Седов Л. Актуальные проблемы в общественном мнении россиян и американцев (результаты совместного российско-американского исследования) // Вестник общественного мнения. 2006. № 3(83). С. 14-17; Левинсон А. Америка как значимый Другой // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 2. С. 65-69; Richards S. Russians Don't Much Like the West // Open Democracy. 2009. 25 February. <http://www.opendemocracy.net/article/email/russians-don-t-much-like-the-west>; Levinson A. Russian Public Opinion and the Georgian War // Open Democracy. 2009. 14 August. <http://www.opendemocracy.net/article/email/russian-public-opinion-and-the-georgia-war>.

⁵⁵ Несколько странная дискуссия на тему того, происходит ли в действительности рост антиамериканизма в российском обществе документирована в: Has Russian Anti-Americanism Been Rising? A Debate on the Article «The Unpopular Prospect of World War III: The 20th Century Is Not Over Yet» // The Russian Nationalism Bulletin. 2009. Vol. 3. No. 5(47). Appendix. http://groups.yahoo.com/group/russian_nationalism/messages/412?threaded=1&m=e&var=1&tidx=1.

⁵⁶ Shlapentokh V. Russian Attitudes toward America: A Split between the Ruling Class and the Masses // World Affairs. 2001. Vol. 164. No. 1. P. 17-23.

⁵⁷ Седов Л. Запад внутри нас: Что думают Россияне о своей стране и мире // Независимая газета. 2006. 22 декабря.

Рис. 2: Индекс отношения к ЕС (различие между позитивными и негативными оценками, в %) декабрь 2003 – май 2009

Источник: Левада-Центр. 2009. <http://www.levada.ru/press/2009061004.html>.

Эти наблюдения позволяют констатировать, что на сегодняшний день антизападничество стало важной, если не преобладающей призмой, через которую большая часть как элиты, так и «простых» граждан РФ рассматривает актуальные события в мировой политике. Это касается не в последнюю очередь развития ситуации на территории бывших колоний Москвы. Недавние конфликты между бывшим центром и прежней периферией распавшейся российской империи являются, конечно, не таким уж особенным явлением, если сравнивать их с похожими болезненными конвульсиями после распада других мировых империй в двадцатом веке⁵⁸.

Однако растущий российский антизападный обскурантизм и всё более популярная конспирология вокруг этих конфронтаций придают русскому постимперскому синдрому особую остроту⁵⁹. Он всё больше напоминает агрессивную реак-

⁵⁸ Этот важный аспект указывается, например, в книге: Wipperfürth C. Russland und seine GUS-Nachbarn: Hintergründe, aktuelle Entwicklungen und Konflikte in einer ressourcenreichen Region. Stuttgart, 2007.

⁵⁹ Выражены мистические аспекты сегодняшнего русского антизападничества, видимо, связаны с более общими особенностями постсоветской «русской души». Борис Дубин в 2001 г. указывал на то, что «[п]арапсихология, НЛЮ, равно как магия, сглаз, астрология и хиромантия вызывали [как показывают соответствующие опросы] у россиян интерес гораздо больший, чем в развитых странах мира». См.: Дубин В. Запад, граница, особый путь.

цию немецких политических и интеллектуальных лидеров на «позорный» конец второй германской империи в 1918 г. с их «легендой об ударе ножом в спину» («*Dolchstoßlegende*») – об иллюзорной вине «внутренних» врагов Германии за её поражение в Первой Мировой войне⁶⁰. В худшем случае дальнейшая параноидальная интерпретация россиянами грузино-российских, украино-российских или похожих постимперских противостояний может ускорить эскалацию как межгосударственных конфликтов на территории бывшего СССР, так и российско-западных разногласий. Радикальное российское антизападничество на этом фоне превращается из объекта исследований новейшей истории политических идей в предмет актуально-политического анализа современной евро-азиатской безопасности.

Наш проект и изучение сегодняшней России

Этим и последующими спецвыпусками «Форума» мы пытаемся внести небольшой вклад в лучшее понимание описанного антизападного поворота в российском социуме через междисциплинарный анализ его идеологических и философских основ. В более чем 30 научных статьях присланных на сегодняшний момент двумя десятками российскими и западными авторами будут освещаться различные исторические и теоретические предпосылки, а также представлен ряд политических и общественных деятелей, которые в той или иной форме обусловили всплеск ультранационализма в путинской России. Следуя профилю журнала, фокус избранных нами анализов направлен скорее на политические и философские идеи – их истоки, характер, авторов, влияние и интерпретацию, нежели на детали развития партийной системы постсоветской России.

При этом мы не стали отклонять те статьи, которые в чём-то дублируют друг друга в отношении предмета и содержания их эмпирических исследований. Изучение постсоветского русского ультранационализма ещё настолько неконсолидированная, разобшённая поддисциплина сравнительных исследований международного правого экстремизма, что даже статьи касающиеся одних и тех же феноменов часто приходят к совершенно разным выводами относительно исторического объяснения, научной классификации и политической оценки исследуемых

⁶⁰ Насколько мне известно, Леонид Люкс был одним из первых исследователей, которые ещё до распада СССР указывали на частичное сходство между Веймарской Германией и поздней советской Россией. См.: Luks L. Abschied vom Leninismus: Zur ideologischen Dynamik der Perestrojka // Zeitschrift für Politik. 1990. Vol. 37. No. 4. P. 359. Подробный перечень литературы по «Веймарской России» можно найти ниже. Среди недавних кратких статей по этой теме: Умланд А. Между Веймарским и Боннским сценариями // inoСМИ.Ru. 2008. 11 апреля. <http://www.inosmi.ru/translation/240759.html>; Люкс Л. «Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии // Зеркало недели. 2008. № 31(710). <http://www.zn.ua/1000/1600/63793/>.

явлений. Во многих случаях такую разнородность можно только приветствовать, так как она прибавляет ценность сборнику статей, представленных в этом и последующих изданиях «Форума».

Однако различия в выводах, толкованиях и определениях, представленных в некоторых анализах постсоветского правого радикализма, не всегда связаны только с оригинальностью мышления их авторов, сколько с указанным недостаточным развитием нашей субдисциплины. Хотя общее поле наших исследований и некий круг кооперирующих специалистов существует и развивается, пока ещё рано говорить о состоявшемся научном сообществе (*scientific community*) исследователей русского ультранационализма. Это выражается, в первую очередь, в частом взаимном игнорировании некоторыми авторами публикаций своих коллег, что в свою очередь снижает новизну и качество целого ряда академических публикаций на эту тему.

В этой связи сложно согласиться с недавним утверждением Михаила Соколова, что уже к 2007 г. существовала некая группа исследователей, которая «с точки зрения частоты взаимного цитирования ... представляет собой вполне оформленную субдисциплину, члены которой следят за работами друг друга»⁶¹. В своём обзоре специализированной литературы Соколов рисует картину разделённого сообщества исследователей, в котором одна группа экспертов одержима метафорой «фашизма» и/или идеей политической «эпидемии» в российском обществе. По Соколову, этот круг ведёт «Дискуссию» (*sic*) между своими членами, игнорируя при этом других авторов, работающих с иными концепциями, нежели фашизм. Можно согласиться, что есть некое сообщество – иногда лично знакомых – друг с другом исследователей, которые более или менее осведомлены с работами и даже цитируют своих коллег. Также верно, что члены этого неформального кружка специалистов чаще общаются между собой, чем с другими экспертами. Но всё же, идея о действительно содержательных, продолжительных академических дебатах, которые можно было бы именовать «Дискуссией» с большой буквы, как это делает Соколов, не говоря уже об «оформленной субдисциплине», увы, на 2009 г. кажется далёкой от реальности⁶².

⁶¹ Соколов М. Изучая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России) / Под ред. М. Ларюэль. М., 2007. С. 32.

⁶² См. также: Umland A. Issues in the Study of the Russian Extreme Right: Guest Editor's Introduction // The Nature of Russian «Neo-Eurasianism»: Approaches to Aleksandr Dugin's Post-Soviet Movement of Radical Anti-Americanism (=Russian Politics and Law. Vol. 47. No. 1) / Transl. S. Shenfield. Ed. A. Umland. Armonk, 2009. P. 4-6.

Сегодняшнее состояние исследований правого экстремизма в России

За последние десять лет состоялись

- серия значимых семинаров, посвящённых русскому национализму, инициированных Марлен Ларюэль во Франко-Российском центре гуманитарных и общественных наук при Институте научной информации общественных наук в Москве⁶³;
- ряд конференций, организованных Катриной Келли и Энди Байфорд в Оксфорде и, так или иначе, относящихся к русскому национализму⁶⁴;
- несколько аналогичных секций и круглых столов на конференциях ведущих научных сообществ по восточноевропейским исследованиям, таких как ICSEES⁶⁵, AAASS⁶⁶, BASEES⁶⁷, ASN⁶⁸ или ЕСПИ⁶⁹ в Тампере, Арлингтоне, Кембридже, Нью-Йорке, Москве или Берлине.

Однако, насколько мне известно, ещё не было ни одного крупного конгресса и не существует ни одной официальной структуры – напр. секции при одной из указанных ассоциаций или РАПН⁷⁰ – посвящённой постсоветскому русскому ультра-национализму⁷¹. В чём-то московские Центры «Панорама»⁷² и «Сова»⁷³ выполняли и выполняют функцию некоего институционального средоточия нашего неформального сообщества⁷⁴. Всё же, сотрудники «Панорамы» и «Совы», несмотря

⁶³ Чрезвычайно полезные дискуссии, организованные Ларюэль в ИНИОНе, хотя и назывались «конференциями», однако каждая отдельная из этих встреч сама по себе собирала настолько узкий круг специалистов, что я решил классифицировать здесь эти важные дебаты всё-таки, как «семинары». Такими же значимыми для становления нашего сообщества были сборники, которые Ларюэль издала на базе этих семинаров. См.: Русский национализм в политическом пространстве; Современные интерпретации русского национализма / Под ред. М. Ларюэль. Stuttgart, 2007; Le rouge et le noir: Extrême droite et nationalisme en Russie / Ed. M. Laruelle. Paris, 2007; Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. М., 2008.

⁶⁴ <http://www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism/conferences.htm>.

⁶⁵ <http://www.iccees.org/>.

⁶⁶ <http://www.fas.harvard.edu/~aaass/>.

⁶⁷ <http://www.basees.org.uk/>.

⁶⁸ <http://www.nationalities.org/>.

⁶⁹ <http://www.espi.ru/news/>.

⁷⁰ <http://www.rapn.ru/>.

⁷¹ В Оксфорде институализирован проект *AHRC* по современному русскому национализму «Russian National Identity from 1961: Traditions & Deterritorialisation». См.: <http://www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism/>. Однако, русский ультра-национализм в основном остаётся за пределами этого проекта.

⁷² <http://www.panorama.ru/>.

⁷³ <http://xeno.sova-center.ru/>.

⁷⁴ Тогда как «Панорама» была ведущей исследовательской и издательской структурой в 90-ых годах, вышедшая из неё «Сова» за последние годы проделала огромную работу в отношении документации и анализа актуальных развитий в области русского ультра-национализма. Особенно стоит выделить коллективные труды и сборники, изданные «Совой» за последние годы: Пути несвободы / Сост. А. Верховский. М., 2005; Цена ненависти: национализм в России и противодействие расистским преступлениям / Сост. А. Верховский. М., 2005; Верхи и низы

на огромную ценность своих публикаций, больше занимаются ежедневным мониторингом, сбором качественных и количественных данных, а также эмпирическим анализом, нежели историческими или теоретическими исследованиями русского национализма.

На сегодняшний день существуют

- несколько дайджестов новостей и бюллетеней, посвященных в той или иной мере нашему предмету, среди них «News Releases»⁷⁵ и «Reports and Analyses»⁷⁶ Центра «Сова», «Bigotry Monitor»⁷⁷, «UCSJ News»⁷⁸, «The Russian Nationalism Bulletin»⁷⁹, «MBHR Chronicle»⁸⁰, «National Identity in Russia from 1961: Traditions and Deterritorialisation – Newsletter»⁸¹, «Blickpunkt Demokratie und Extremismus Newsletter Osteuropa»⁸²,
- ряд свободно доступных сайтов по той же теме, в том числе «Национализм и ксенофобия»⁸³, «Национализм – экстремизм – ксенофобия»⁸⁴, «Coalition Against Hate»⁸⁵, «Russia-Bear in Integrating Europe»⁸⁶, «Общественный фонд "Антифашист"»⁸⁷, «Антифашистский мотив»⁸⁸, «Antirasizm.ru»⁸⁹, «Russian Nationalism Links»⁹⁰,
- закрытая LinkedIn-группа «Researchers of Russian Nationalism»⁹¹, как и
- несколько журналов, в которых относительно часто публикуются члены нашего неформального сообщества, напр. «Неприкосновенный запас»⁹², «Вопросы философии»⁹³, «Политическая экспертиза»⁹⁴, «Вестник Евразии – Acta Eurasiaca»⁹⁵, «Ab Imperio»⁹⁶, «Pro et Contra»⁹⁷, «Religion, State and Society»⁹⁸, «Demo-

русского национализма / Сост. А. Верховский. М., 2007; Кожевникова Г.В., Шеховцов А.В. и др. Радикальный русский национализм: структура, идеи, лица. М., 2009.

⁷⁵ <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB41EE>.

⁷⁶ <http://xeno.sova-center.ru/6BA2468/6BB4208>.

⁷⁷ <http://www.ucsj.org/bigotry-monitor>.

⁷⁸ <http://www.ucsj.org/news>.

⁷⁹ http://groups.yahoo.com/group/russian_nationalism/messages.

⁸⁰ <http://antirasizm.ru/index.php/mbhr-chronicle>.

⁸¹ <http://www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism/newsletter.htm>.

⁸² <http://www.austausch.org/projekte/deutschland/rechtsextremismus.html>.

⁸³ <http://xeno.sova-center.ru/>.

⁸⁴ <http://www.panorama.ru/works/patr/index.html>.

⁸⁵ <http://www.coalitionagainsthate.org/>.

⁸⁶ http://www.toya.net.pl/~delazari/index_pliki/RussiaBear.htm.

⁸⁷ http://www.aha.ru/~ofa/Oglav_1.htm.

⁸⁸ <http://tumbalalaika.memo.ru/>.

⁸⁹ <http://antirasizm.ru/>.

⁹⁰ http://groups.yahoo.com/group/russian_nationalism/links.

⁹¹ http://www.linkedin.com/groups?about=&gid=157897&trk=anet_ug_grppro.

⁹² <http://magazines.russ.ru/nz/>.

⁹³ <http://vphil.ru/>.

⁹⁴ <http://www.politex.info/>.

⁹⁵ <http://www.eavest.ru/>.

⁹⁶ <http://abimperio.net/>.

⁹⁷ <http://www.carnegie.ru/en/pubs/procontra/>.

⁹⁸ <http://www.tandf.co.uk/journals/carfax/09637494.html>.

kratizatsiya»⁹⁹, «Nationalities Papers»¹⁰⁰, немецкоязычный и русскоязычный «Форумы»¹⁰¹.

Но этого мало для того, чтобы уже можно было говорить об «оформленной субдисциплине», как предполагает Соколов¹⁰². У нас пока что нет ни серьёзной академической институциональной базы, т.е. ассоциации или НИИ, ни периодического академического издания, т.е. специализированного журнала или ежегодника, ни регулярных форумов обмена мнениями, т.е. постоянных серий семинаров или конференций. В настоящее время недавно созданная в Германии англо-русско-немецкоязычная книжная серия «Советская и постсоветская политика и общество»¹⁰³ делает возможной публикацию монографий и сборников по теме¹⁰⁴. Но это издание существует всего лишь с 2004 г. и поэтому ещё мало известно. В любом случае, такая книжная серия вряд ли станет платформой для интерактивного обмена между членами чаемого научного сообщества.

Помимо организационных недостатков, стоит упомянуть скудность академической литературы, которая бы смогла концептуально очертить предполагаемую субдисциплину. По моим подсчётам, упомянутая глава Соколова – всего лишь десятая статья, освещающая и критикующая развитие субдисциплины за последние 20 лет¹⁰⁵. Эти не очень подробные тексты разбросаны по разным журналам и пользуются относительно небольшим вниманием. Показательно, что Соколов в своей статье не упоминает ни одну из них¹⁰⁶. Историографическая книга о воз-

⁹⁹ <http://www.demokratizatsiya.org/>.

¹⁰⁰ <http://www.tandf.co.uk/journals/cnap>.

¹⁰¹ <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/>.

¹⁰² Соколов М. Изучая «русский фашизм».

¹⁰³ <http://www.ibidem-verlag.de/spps.html>.

¹⁰⁴ <http://www.amazon.com/gp/blog/post/PLNK38GJQXL0CN9AM>.

¹⁰⁵ В хронологическом порядке: Otto R. Contemporary Russian Nationalism // Problems of Communism. 1990. Vol. 39. No. 6. P. 96-105; Соловей В. Русское национальное движение 60-80-х XX века в освещении зарубежной историографии // Отечественная история. 1993. № 2. С. 107-111; Rowley D. Russian Nationalism and the Cold War // The American Historical Review. 1994. Vol. 99. No. 1. P. 155-171; Schützler H. Faschismus – ein Thema in der russischen Historiographie der 90er Jahre? // Rassismus, Faschismus, Antifaschismus. Forschungen und Betrachtungen gewidmet Kurt Pätzold zum 70. Geburtstag / Ed. M. Weißbecker, R. Kühn, E. Schwarz. Köln, 2000. P. 231-242; Umland A. The Post-Soviet Russian Extreme Right // Problems of Post-Communism. 1997. Vol. 44. No. 4. P. 53-61. <http://ku-eichstaett.academia.edu/AndreasUmland/Papers/85215/The-Post-Soviet-Russian-Extreme-Right--Review-Essay->; Мисухин Г. Россия в веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания // Pro et Contra. 1998. Vol. 3. No. 3. P. 111-123. http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1998/3/ProEtContra_1998_3_08.pdf; Yanov A. Russian Nationalism in Western Studies: Misadventures of a Moribund Paradigm // Demokratizatsiya. 2001. Vol. 9. No. 4. P. 552-568; Уmland А. Правый экстремизм в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 71-84. <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2003/12/13/0000139422/uMLANDx20a.pdf>; он же. Официальный советский антисемитизм послесталинского периода // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 2. С. 158-168. <http://www.carnegie.ru/ru/print/62024-print.htm>; он же. Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5(31). С. 116-122. <http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/umland.html>; Umland A. Concepts of Fascism in Contemporary Russia and the West // Political Studies Review. 2005. Vol. 3. No. 1. P. 34-49.

¹⁰⁶ Соколов М. Изучая «русский фашизм». Например, среди вышеназванных статей, эссе Мисухина и три моих последних обсуждения литературы касаются, среди прочих тем, и тех вопро-

никновении и развитии исследований современного русского ультранационализма вовсе отсутствует¹⁰⁷.

Самые значимые как причины, так и следствия недоразвитости нашей дисциплины, однако, относятся к самим исследованиям, т.е. академическим статьям и книгам, составляющим суть нашей формирующейся субдисциплины. Многие из нас охотно относят предметы и результаты своих анализов, в основном, к:

- европейским сопоставимым явлениям (напр., немецкой межвоенной «консервативной революции» или западноевропейской послевоенной «новой правдой»),
- международно признанным подходящим концепциям (напр., «фашизм» или «метapolитика») и
- западным релевантным теориям (напр., Пьера Бурдьё или Роджера Гриффина).

Большинство из нас читает множество исследовательских работ для исторической, компаративистской и теоретической контекстуализации своих исследований и активно употребляет для оформления своих анализов различную академическую литературу. Однако, только некоторые члены нашего сообщества (если такой термин вообще уместен на данный момент) также серьёзно относятся к научной и публицистической литературе по собственной теме своих исследований¹⁰⁸. Всё больше исследований имеют сильный сравнительный элемент и отличную концептуальную базу. Возникающий массив литературы, тем не менее, остаётся неудовлетворительным, а иногда парадоксальным. Несмотря на всю бóльшую теоретическую изощрённость, только часть новых исследований в конечном счёте приобретает кумулятивный характер, т.е. выполняет функцию информативных продолжений, необходимых коррекций и полезных модификаций предыдущих анализов. Значимая часть исследований постсоветского правого радикализма всё ещё развивается скорее параллельно, чем в эффективном сотрудничестве или плодотворном споре их авторов. Иногда низкий уровень саморефлексии нашей неоформленной субдисциплины уже виден в сносках новых исследований, где порой попросту отсутствуют указания на предыдущие академические публикации по той же теме.

Обзор Соколова, конечно, является одним из исключений из этого «почти что правила», так как весь он посвящен предыдущим исследованиям и пытается открыть некий фронт внутри рудиментарного сообщества аналитиков постсоветского национализма. Хотя я не совсем согласен с тем, как Соколов делит наш небольшой круг, я полностью поддерживаю его критические рефлексии насчёт ран-

сов, которые затрагивает Соколов. По указанным адресам эти тексты свободно доступны в интернете на русском языке уже несколько лет.

¹⁰⁷ Если бы нашёлся энтузиаст, готовый собрать, перевести на один язык, стилистически обработать и тщательно отредактировать выше указанные и другие ранее опубликованные историографические статьи и рецензии, чтобы из них составить сборник по развитию исследований поздне- и постсоветского русского национализма – то такую работу можно было бы опубликовать в упомянутой книжной серии «Советская и постсоветская политика и общество».

¹⁰⁸ Напр.: Shenfield S. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. Armonk, 2001.

них исследований и его попытку идентифицировать некую структуру расхождений в подходах к современному правому экстремизму в России. Всё же, в связи с вышеуказанным положением дел внутри сообщества, Соколов вводит читателя в заблуждение, говоря о «вполне оформленной субдисциплине».

Даже среди участников той «Дискуссии», которую старается обрисовать Соколов, т.е. внутри эксклюзивного клуба одержимых «эпидемиологическим» подходом к русскому национализму и «метафорой фашизма» исследователей, нет того диалога, который бы требовался для того, чтобы говорить о полноценном *scientific community*. Наблюдается, правда, постоянный рост личных знакомств в сообществе и всё большее количество коллективных публикаций, включая представленный здесь проект. Тем не менее, круг исследователей русского национализма, в большинстве своём, пока всё ещё напоминает скорее пресловутую *Gesellschaft* обособленно работающих индивидуумов или аморфную *Klasse an sich*, чем состоявшуюся *Klasse für sich* или идеальную *Gemeinschaft* органично связанных частей единого (хотя, по примеру соколовской аргументации, всё таки делимого) проекта¹⁰⁹.

Примеры историографических упущений

В 1990-х эту ситуацию можно было рассматривать как естественную «детскую болезнь» нашей лишь недавно возникшей субдисциплины. К тому же, что касается российских аналитиков, здесь нельзя не упомянуть, что им приходится работать в сложных условиях: имеется в виду плачевное состояние большинства российских научных библиотек, ограниченность грантов для посещения международных, а иногда и российских конференций, так и просто-напросто сложное финансовое положение подавляющего большинства российских учёных – не в последнюю очередь обществоведов и гуманитариев.

От значительных библиографических упущений, однако, страдали и страдают исследования не только российских, но и западных исследователей, несмотря на то, что им относительно несложно получить доступ к нужной академической литературе. Например, Джудит Девлин в 1999 г. опубликовала целую монографию о постсоветских российских антидемократах¹¹⁰, не упоминая ни один из основополагающих на тот момент аналитических справочников и коллективных трудов агентства «Панорама» 1994-1998 годов¹¹¹. Вера Тольц, в свою очередь, в своей в

¹⁰⁹ Соколов М. Изучая «русский фашизм».

¹¹⁰ Devlin J. Slavophiles and Commissars: Enemies of Democracy in Russia. Basingstoke, 1999.

¹¹¹ В хронологическом порядке: Владимир Жириновский и Либерально-демократическая партия: информационный пакет / Сост. А. Верховский. М., 1994; Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России: история, идеология, экстремистские тенден-

целом информативной статье похожего направления 1997 г.¹¹² полагалась преимущественно на досье и аналитические справки «Панорамы», не упоминая большинство уже тогда значимой западной и российской публицистической и академической литературы по поздне- и постсоветскому правому экстремизму¹¹³.

Если в девяностых такие упущения представлялись простительными, а их причины понятными, то в новом веке подобные явления кажутся странными. В библиографии вышедшей в 2004 г. книги «Опасность крайнего национализма в России», позднего Томаса Парланда, автора одной из первых фундаментальных монографий нашей дисциплины 1993-го года¹¹⁴, не упоминается ни одна научная статья по теме его исследования, опубликованная в ведущих академических журналах по изучению современной России, таких как «The Slavic Review», «The Russian Review», «Europe-Asia Studies»¹¹⁵, «Post-Soviet Affairs», «Communist and Post-Communist Studies», «Problems of Post-Communism», «The Journal of Communist Studies and Transition Politics», «Политические исследования», «Социологические исследования», «Мировая экономика и международные отношения», «Общественные науки и современность» или «Мониторинг/Вестник общественного мнения»¹¹⁶.

Пожалуй, наиболее показательной в этом отношении публикацией является недавно вышедший в ведущем немецком журнале «Osteuropa» (Восточная Европа) текст американского политолога Александра Мотыля¹¹⁷. Утверждая ни много,

ции. М., 1995; Прибыловский В. Русские национал-патриотические (этнократические) и праворадикальные организации (Краткий словарь-справочник). М., 1995; Русские националистические и праворадикальные организации 1989-1995: документы и тексты. 2 тт. / Сост. В. Прибыловский. М., 1995; Прибыловский В. Вожди: Сборник биографии российских политических деятелей националистической и имперско-патриотической ориентации. М., 1995; Неизвестный Жириновский: документы (1967-68, 1985-87 гг.) / Сост. Д. Хопак. М., 1995; Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996; Русское Национальное Единство: история, политика, идеология. Информационный пакет / Сост. В. Лихачёв, В. Прибыловский. М., 1997; Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации: краткие справки, документы и тексты. М., 1997; Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998.

¹¹² Tolz V. The Radical Right in Post-Communist Russian Politics // The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties / Ed. P.H. Merkl, L. Weinberg. L., 1997. P. 177-202. См. также: Tolz V. Right-Wing Extremism in Russia: The Dynamics of the 1990s // Right-Wing Extremism in the Twenty-First Century / Ed. P.H. Merkl, L. Weinberg. L., 2003. P. 251-271.

¹¹³ Сами библиографические упущения Девлин и Тольц могли бы остаться и за пределами этой критики. Однако, в обоих – как и в большинстве им подобных – случаях эти недосмотры повлекли за собой определённые недостатки в содержании анализа, которые я не буду здесь рассматривать. Всё же, тексты Девлин и Тольц принадлежали к первым англоязычным систематическим изложениям о русских постсоветских радикалах в целом, так что упоминание их в качестве «негативных» примеров здесь не совсем справедливо.

¹¹⁴ Parland T. The Rejection in Russia of Totalitarian Socialism and Liberal Democracy: A Study of the Russian New Right. Helsinki, 1993.

¹¹⁵ Парланд упоминает статьи из этого журнала в своей библиографии. Однако, эти статьи не относятся к самой теме его исследования, а к другим аспектам развития постсоветской России.

¹¹⁶ Parland T. The Extreme Nationalist Threat in Russia: The Growing Influence of Western Rightist Ideas. L., 2004.

¹¹⁷ Motyl A. Russland – Volk, Staat und Führer: Elemente eines faschistischen Systems // Osteuropa. 2009. Vol. 59. No. 1. P. 109-124. Интересно, что Мотыль ранее писал о политических явлениях,

ни мало, что российское государство стало к 2009 г. «протофашистским», «фашизоидным» или даже «фашистским»¹¹⁸, Мотыль в своей статье «Россия – народ, государство, лидер: элементы фашистской системы» обходится без упоминания каких-либо вторичных источников по теме своих научных интересов – фашизм в постсоветской России¹¹⁹. Автор полностью игнорирует как научную литературу по вопросу идентификации и классификации постсоветских русских фашистских тенденций¹²⁰, так и академическую дискуссию относительно сравнения РФ с Веймарской республикой¹²¹ – не говоря уже о десятках академических и других аналитических публикаций о постсоветских ультранационалисти-

фашистский характер которых является менее спорным, таких, как революционные группировки украинского межвоенного и русского постсоветского ультранационализма: Motyl A. Turn to the Right: The Ideological Origins of Ukrainian Nationalism, 1919-1929. Boulder, 1980; idem. Vladimir Zhirinovskiy: A Man of His Times // The Harriman Review. 1994. Vol. 7. Nos. 7-9. P. 11-18. Правда, Жириновский, насколько мне известно, сам себя не называл революционером. Однако в 1993 г. он предложил палингенетическую программу воскрешения России путём широкомасштабного военного похода («последнего броска на юг») для включения Ирана, Афганистана и Турции в российское государство. См.: Umland A. The Zhirinovskiy Interview // The Woodstock Road Editorial: An Oxford Magazine of International Affairs. 1994. No. 16. P. 3-5. <http://ku-eichstaett.academia.edu/AndreasUmland/Papers/84955/The-Zhirinovskiy-Interview>; idem. Ein Gespräch mit Wladimir Schirinowski // Die Neue Gesellschaft: Frankfurter Hefte. 1994. Vol. 41. No. 2. P. 114-117. <http://ku-eichstaett.academia.edu/AndreasUmland/Papers/85168/Ein-Gespr%C3%A4ch-mit-Wladimir-Schirinowski>; idem. Wladimir Shirinowskij in der russischen Politik: Einige Hintergründe des Aufstiegs der Liberal-Demokratischen Partei Rußlands Osteuropa. 1994. Vol. 44. No. 12. P. 1117-1131. <http://ku-eichstaett.academia.edu/AndreasUmland/Papers/86761/Wladimir-Shirinowskij-in-der-russischen-Politik--Einige-Hintergr%C3%BCnde-des-Aufstiegs-der-Liberal-Demokratischen-Partei-Ru%C3%9Flands>; Умланд А. «Последний бросок на юг» Жириновского и дефиниция фашизма // Без темы. 2007. № 2(4). С. 46-57. [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004\(02_2007\)&xsl=showArticle.xslt&id=a06&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0004(02_2007)&xsl=showArticle.xslt&id=a06&doc=../content.jsp).

¹¹⁸ Motyl A. Surviving Russia's Drift to Fascism // Kyiv Post. 2008. 17 January. http://www.kyivpost.com/opinion/op_ed/28182. См. также: The Henry Jackson Society Project for Democratic Geopolitics. 2008. 18 January. <http://www.henryjacksonsociety.org/stories.asp?id=493>; Umland A. Is Putin's Russia really «fascist»? A response to Alexander Motyl // Global Politician. 2008. 26 March. <http://www.globalpolitician.com/24341-russia>.

¹¹⁹ Содержательную критику по существу статьи Мотыля можно найти в ответе Леонида Люкса в том же журнале: Luks L. Irreführende Parallelen: Das autoritäre Russland ist nicht faschistisch // Osteuropa. 2009. Vol. 59. No. 4. P. 119-128. Менее обоснованная критика, документирующая скорее незнание её автора, чем Мотыля, значимой теоретической и эмпирической литературы, является статья: Sineev A. Mythenbildung ohne Ende: Eine Replik auf Alexander Motyl // Osteuropa. 2009. Vol. 59. No. 5. P. 111-116.

¹²⁰ Shenfield S. Russian Fascism.

¹²¹ Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М., 1995; Yanov A. Weimar Russia and What We Can Do About It. NY, 1995; Breslauer G., Feldman G., James H., Melville A. Weimar and Russia. Is There an Analogy? <http://globetrotter.berkeley.edu/pubs/w&r.html>; Starovoitova G. Modern Russia and the Ghost of Weimar Germany // Remaking Russia / Ed. by H. Isham. Armonk, 1995. P. 129-145; Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and National Question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 107-147; Hanson St., Kopstein J. The Weimar/Russia Comparison // Post-Soviet Affairs. 1997. Vol. 13. No. 3. P. 252-283; Shenfield St. The Weimar/Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein // Post-Soviet Affairs. 1998. Vol. 14. No. 4. P. 355-368; Мисухин Г. Россия в веймарском зеркале; Ryavec K.W. Weimar Russia? // Demokratizatsiya. 1998. Vol. 6. No. 4. P. 702-709; Люкс Л. «Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. № 2. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Luks07.pdf>.

ческих идеологиях и группировках¹²². При этом Мотыль умудряется обходить своим вниманием подавляющее большинство специалистов-регионоведов, т.е.

¹²² Часть публикаций первых семи «постсоветских» лет, т.е. 1990-1996 гг., представлена в моей рецензионной статье: Umland A. The Post-Soviet Russian Extreme Right; Уmland А. Правый экстремизм в постсоветской России. Среди значимых публикаций, вышедших в последующие семь лет, т.е. до 2003 г., напр.: Hanson St. Ideology, Uncertainty, and the Rise of Anti-System Parties in Postcommunist Russia (=Studies in Public Policy. Vol. 289). Glasgow, 1997; Tsygankov A. From Internationalism to Revolutionary Expansionism: The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia // *Mershon International Studies Review*. 1997. Vol. 41. No. 2. P. 247-268; Дадиани Л. О попытках создания в России лево-правого блока оппозиционных сил 1989-1996 гг. М., 1997; Stadler W. Macht – Sprache – Gewalt: Rechtspopulistische Sprache am Beispiel V.V. Žirinovskijs vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Rußland. Innsbruck, 1997; Urban J.B., Solovei V. Russia's Communists at the Crossroads. Boulder, 1997; Timmermann H. Rußlands KP: Zwischen angepaßtem Leninismus und Volkspatriotismus // *Osteuropa*. 1997. Vol. 47. P. 749-761; Messmer M. Sowjetischer und postkommunistischer Antisemitismus. Entwicklungen in Rußland, der Ukraine und Litauen. Konstanz, 1997; Davidheiser E. The CPRF: Towards Social Democracy or National Socialism? // *Elections and Voters in Post-Communist Russia* / Ed. M. Wyman, St. White, S. Oates. Cheltenham, 1998. P. 240-271; Allensworth W. The Russian Question. Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia. Lanham, 1998; Tsygankov A.P. Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // *East European Quarterly*. 1998. Vol. 32. P. 315-324; Pirani S. State Patriotism in the Politics and Ideology of Gennady Zyuganov // *Slovo*. 1998. Vol. 10. No. 1-2. 1998. P. 179-197; Kochanek H. Die Ethnienlehre Lev N. Gumilevs: Zu den Anfängen neu-rechter Ideologie-Entwicklung im spätkommunistischen Russland // *Osteuropa*. 1998. Vol. 48. P. 1184-1197; Brudny Y. Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991. Cambridge, Mass., 1998; Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е. Политическая ксенофобия: Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М., 1999; Paradowski R. The Eurasian Idea and Leo Gumilëv's Scientific Ideology // *Canadian Slavonic Papers*. 1999. Vol. 41. No. 1. P. 19-32; Lisovskaya E., Karpov V. New Ideologies in Postcommunist Russian Textbooks // *Comparative Education Review*. 1999. Vol. 43. P. 522-543; Christopher W., Hanson St. National-Socialism, Left Patriotism, or Superimperialism? The Radical Right in Russia // *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989* / Ed. S. Ramet. University Park, 1999. P. 257-278; Slater W. The Patriots' Pushkin // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. P. 407-427; Otto R. Gennadii Ziuganov: The Reluctant Candidate // *Problems of Post-Communism*. 1999. Vol. 46. No. 5. P. 37-47; Jackson W. Fascism, Vigilantism, and the State: The Russian National Unity Movement // *Problems of Post-Communism*. 1999. Vol. 46. No. 1. P. 34-42; Clover Ch. Dreams of the Eurasian Heartland // *Foreign Affairs*. 1999. Vol. 78. No. 2. P. 9-13; Laruelle M. L'idéologie eurasiste russe ou comment penser l'empire. Paris, 1999; Flikke G. Patriotic Left-Centrism: The Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 2. P. 275-298; Verkhovsky A. Ultra-Nationalists in Russia at the Onset of Putin's Rule // *Nationalities Papers*. 2000. Vol. 28. P. 707-726; Mathyl M. Das Entstehen einer nationalistischen Gegenkultur im Nachperestroika-Rußland // *Jahrbuch für Antisemitismusforschung*. Vol. 9 / Ed. W. Benz. Frankfurt a.M., 2000. P. 68-107; Тарасов А. Порождение реформ – бритоголовые, они же скинхеды // *Свободная мысль*. 2000. № 5. С. 39-56; Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: Новая евразийская идеология // *Вестник Евразии – Acta Eurasica*. 2000. № 1(8). С. 5-18; Кореняко В. Этнонационализм, квазиистория и академическая наука // *Реальность этнических мифов* / Под ред. А. Малашенко, М.Б. Олкотт. М., 2000. С. 34-52; Vujačić V. Serving Mother Russia: The Communist Left and Nationalist Right in the Struggle for Power, 1991-1998 // *Russia in the New Century: Stability and Disorder?* / Ed. V.E. Bonnell, G.W. Breslauer. Boulder, 2001. P. 290-325; Shlapentokh D. Russian Nationalism Today: The Views of Alexander Dugin // *Contemporary Review*. 2001. Vol. 279. No. 1626. P. 29-37; Dunlop J. Barkashov and the Russian Power Ministries, 1994-2000 // *Demokratizatsiya*. 2001. Vol. 9, No. 1. P. 60-74; Ingram A. Alexander Dugin: Geopolitics and Neo-Fascism in Post-Soviet Russia // *Political Geography*. 2001. Vol. 20. P. 1029-1051; Dunlop J. Aleksandr Dugin's «Neo-Eurasian» Textbook and Dmitrii Trenin's Ambivalent Response // *Harvard Ukrainian Studies*. 2001. Vol. 24. Nos. 1-2. P. 91-127; Laruelle M. Lev N. Gumilev (1912-1992): Biologisme et eurasisme en Russie // *Revue des Études slaves*. 2000. Vol. 72, No. 1-2. P. 163-189; Ларюэль М. Когда присваивает-

историков, политологов, социологов и т.д., занимающихся политическим экстремизмом и авторитаризмом исключительно или преимущественно в Восточной Европе и России – не в последнюю очередь тех аналитиков, которые ранее публиковали относящиеся к российскому ультра национализму и авторитаризму статьи в том же журнале «Osteuropa», в котором Мотыль решил представить свои находки¹²³.

Развивая свою дефиницию фашизма как родового понятия, Мотыль опирается на определения этого феномена такими компаративистами, как Майкл Манн, Стэнли Пэйн, Роберт Пакстон, Роджер Скрутон и Хуан Линц, которые, насколько мне известно, никогда подробно не комментировали развитие правого экстремиз-

ся интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии – Acta Eurasica. 2001. № 4(15). С. 5-19; Shnirelman V., Panarin S. Lev Gumilev: His Pretensions as a Founder of Ethnology and his Eurasian Theories // Inner Asia. 2001. Vol. 3, No. 1. P. 1-18; Rossman V. Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era. Lincoln/L., 2002; Ignatow A. Esoterik als Geschichtsdeutung. Lev Gumilevs «historiosophische» Lehren // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. Vol. 6, No. 1. P. 13-41; Scherrer J. Kulturologie: Rußland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2002; Verkovsky A. The Role of the Russian Orthodox Church in Nationalist, Xenophobic and Antiwestern Tendencies in Russia Today: Not Nationalism, but Fundamentalism // Religion, State and Society. 2002. Vol. 30. No. 4. P. 333-345; Wiederkehr S. Die Rezeption des Werkes von L.N. Gumilev seit der späten Sowjetzeit. Russlands Intelligencija auf der Suche nach Orientierung // Sprünge, Brüche, Brücken: Debatten zur politischen Kultur in Russland aus der Perspektive der Geschichtswissenschaft, Kultursoziologie und Politikwissenschaft / Ed. M. Ritter, B. Wattendorf. Berlin, 2002. P. 51-66; Гуманистов Э. Скинхеды в России: война против всех // Лицейское и гимназическое образование. 2002. № 7. С. 57-65; Лихачёв В. Нацизм в России. М., 2002; March L. The Communist Party in Post-Soviet Russia. Manchester, 2002; Gabowitsch M. Der russische «Nationalpatriotismus» der Gegenwart und sein Verhältnis zum Kommunismus // Rechtsextreme Ideologien in Geschichte und Gegenwart / Ed. U. Backes. Köln, 2003. P. 311-338; Лихачёв В. Политический антисемитизм в современной России. М., 2003; Верховский А. Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995-2001. М., 2003; Rogachevski A. Biographical and Critical Study of Russian Writer Eduard Limonov. Lewiston, 2003; Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953-1985 годы. М., 2003 и т.д.

¹²³ Напр.: Ignatow A. Das postkommunistische Vakuum und die neuen Ideologien: Zur gegenwärtigen geistigen Situation in Rußland // Osteuropa. 1993. Vol. 43. No. 4. P. 311-37; Fuchs. M. Die russische Nationalidee als Faktor im politischen Kampf für Reformen // Osteuropa. 1993. Vol. 43. Nos. 4 и 5; Umland. Wladimir Shirinowskij in der russischen Politik; Beichelt T., Minkenberg M. Rechtsradikalismus in Transformationsgesellschaften: Entstehungsbedingungen und Erklärungsmodell // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 247-262; Orlow B. Rechtsextremismus im heutigen Rußland // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 320-335; Mathyl M. Der «unaufhaltsame Aufstieg» des Aleksandr Dugin: Neo-Nationalbolschewismus und Neue Rechte in Russland // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 885-900; Umland A. Russischer Rechtsextremismus im Lichte der jüngeren empirischen und theoretischen Faschismusforschung // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 901-913; Butterwege C. Traditioneller Rechtsextremismus im Osten – modernisierter Rechtsextremismus im Westen? // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 914-920; Gudkov L. «Ich hasse, also bin ich»: Zur Funktion der Amerika-Bilder und des Antiamerikanismus in Rußland // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 997-1014; Beichelt T., Minkenberg M. Rechtsradikalismus in Osteuropa: Bilanz einer Debatte // Osteuropa. 2002. Vol. 52. P. 1056-1062; Eismann W. Repressive Toleranz im Kulturleben: Prochanov, ein Literaturpreis und das binäre russische Kulturmodell // Osteuropa. 2003. Vol. 53. P. 821-838; Piontkovskij A. Rußland und der Vierte Weltkrieg: Ein etwas anderes Schachbrett // Osteuropa. 2005. Vol. 55. No. 1. P. 103-111; Heinemann-Grüder A. Ein Schritt vorwärts, zwei zurück: Vom Ethnoföderalismus zu «Russland den Russen» // Osteuropa. 2007. Vol. 57. No. 11. P. 135-162; Gudkov L. Staat ohne Gesellschaft: Autoritäre Herrschaftstechnologie in Russland // Osteuropa. 2008. Vol. 58. No. 1. P. 3-16.

ма в постсоветской России¹²⁴. А значимых знатоков международного фашизма, которые в той или иной мере занимались сегодняшним русским ультра национализмом, Мотыль в этой статье почему-то ни словом не упоминает. Это касается как тех авторов, которые, как Александр Галкин¹²⁵, Уолтер Лакёр¹²⁶, Джеймс Грегор¹²⁷ или Леонид Люкс¹²⁸, довольно подробно писали о постсоветском русском правом экстремизме со сравнительной точки зрения¹²⁹, так и тех ведущих компа-

¹²⁴ Когда Хуан Линц писал о постсоветской России, он анализировал, в первую очередь, степень её демократизации, а не развитие правоэкстремистских течений в стране. См.: Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore, 1996. О развитии сравнительных исследований правого экстремизма в последние годы см. напр.: Умланд А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. Т. 4. № 1. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/8UmlandRezension.pdf>; Шеховцов А. Новый правый радикализм: к вопросу об определении // Вестник СевГТУ. 2008. № 91. С. 141-144. http://www.shekhovtsov.org/articles/Anton_Shekhovtsov-NRR_Definition.pdf.

¹²⁵ Галкин А.А. Социология неофашизма. М., 1971; он же. Фашизм и неофашизм в Германии. М., 1991; он же. О фашизме – всерьёз // Свободная мысль. 1992. № 5. С. 13-23; он же. Фашизм: корни, признаки, формы проявления // Политические исследования. 1995. № 2(26). С. 6-15. он же. Фашизм как болезнь общества // Polit.ru. 2006. 8 мая. <http://www.polit.ru/lectures/2006/05/08/galkin.html>; Galkin A. Capitalist Society and Fascism // Social Sciences: USSR Academy of Sciences. 1970. No. 2. P. 128-138.

¹²⁶ Fascism: A Readers Guide / Ed. W. Laqueur. L., 1988; Laqueur W. Fascism: Past, Present, Future. Oxford, 1995.

¹²⁷ Gregor A.J. *The Ideology of Fascism: The Rationale for Totalitarianism*. NY, 1969; idem. *Interpretations of Fascism*. New Brunswick, 1997; idem. Roger Griffin, Social Science, «Fascism», and the «Extreme Right» // *Erwägen Wissen Ethik*. 2004. Vol. 15. P. 316-321; idem. *The Search for Neo-Fascism: The Use and Abuse of Social Science*. Cambridge, 2006.

¹²⁸ Luks L. *Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie: Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935*. München, 1984; Люкс Л. Евразийство и консервативная революция: Соблазн антизападничества в России и Германии // *Вопросы философии*. 1996. № 3. С. 57-69; Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? // *Вопросы философии*. 1998. № 7. С. 48-57; Luks L. *Zwei Gesichter des Totalitarismus: Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich*. Köln, 2007; idem. *Anmerkungen zur Fehleinschätzung des Nationalsozialismus durch die Bolschewiki und die Kommunistische Internationale* // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2009* / Ed. Katrin Jaeger. Berlin, 2009. P. 299-314.

¹²⁹ Галкин А. Российский фашизм? // *Социологический журнал*. 1994. № 2. С. 17-27. <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/94-2-2.html>; он же, Красин Ю. О правом радикализме в советском обществе // *Обозреватель*. 1995. № 12. С. 52-58; Laqueur W. Russian Nationalism // *Foreign Affairs*. 1992/93. Vol. 71. No. 5. P. 102-116; idem. *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. NY, 1993; Gregor A.J. Fascism and the New Russian Nationalism // *Communist and Post-Communist Studies*. 1998. Vol. 31, No. 1. P. 1-15; idem. *Phoenix: Fascism in Our Time*. New Brunswick, 2001; idem. *Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century*. New Haven, 2004; idem. Andreas Umland and the «Fascism» of Alexander Dugin // *Erwägen Wissen Ethik*. 2004. Vol. 15. P. 426-428; idem. Response to Dr. Andreas Umland // *Erwägen Wissen Ethik*. 2004. Vol. 15. P. 594-595; idem. Once Again on Fascism, Classification, and Aleksandr Dugin // *Erwägen Wissen Ethik*. 2004. Vol. 16. No. 4. P. 570-572; Luks L. Der «Dritte Weg» der «neo-eurasischen» Zeitschrift «Elementy» – zurück ins Dritte Reich? // *Studies in East European Thought*. 2000. Vol. 52. No. 1-2. P. 49-71; Люкс Л. «Третий путь», или назад в Третий рейх? // *Вопросы философии*. 2000. № 5. P. 33-44; он же. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002; Luks L. Zum «geopolitischen» Programm Aleksandr Dugins und der Zeitschrift Elementy – eine manichäische Versuchung // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2002. Vol. 6. No. 1. P. 43-58; idem. Eurasien aus neototalitärer Sicht – Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Rußland // *Totalitarismus und Demokratie*. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 63-76;

ративистов, таких как Роджер Гриффин¹³⁰, Роджер Итвэлл¹³¹, Михаэль Минкенберг¹³² или Вольфганг Випперманн¹³³, которые, так или иначе, затрагивали проблему постсоветского русского ультранационализма в своих сравнительных исследованиях¹³⁴. На фоне подобных упущений уже не удивляет, что Мотыль также полностью игнорирует (а, возможно, и не особенно хочет знать) вторичную литературу о дискуссиях концепции фашизма в постсоветской России¹³⁵.

idem. *Der russische «Sonderweg»? Aufsätze zur neuesten Geschichte Rußlands im europäischen Kontext*. Stuttgart, 2005; idem. «Weimar Russia?» Notes on a Controversial Concept // *Russian Politics and Law*. 2008. Vol. 46. No. 4. P. 47-65.

¹³⁰ Griffin R. *The Nature of Fascism*. L., 1993; *Fascism* / Ed. R. Griffin. Oxford, 1995; *International Fascism* / Ed. R. Griffin. L., 1998; Griffin R. *Interregnum or Endgame? Radical Right Thought in the Post-fascist Era* // *Journal of Political Ideologies*. 2000. Vol. 5. No. 2. P. 163-178; idem. *The Palingenic Political Community. Rethinking the Legitimation of Totalitarian Regimes in Inter-War Europe* // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2000. Vol. 3. No. 3. P. 24-43; idem. *The Primacy of Culture. The Current Growth (or Manufacture) of Consensus within Fascist Studies* // *Journal of Contemporary History*. 2002. Vol. 37. No. 1. P. 21-43; idem. *Modernism and Fascism: The Sense of New Beginning under Mussolini and Hitler*. Basingstoke, 2008; *A Fascist Century*.

¹³¹ Eatwell R. *Towards a New Model of Generic Fascism* // *Journal of Theoretical Politics*. 1992. Vol. 4. No. 2. P. 161-194; idem. *Fascism. A History*. L., 1995; idem. *On Defining the «Fascist Minimum»: The Centrality of Ideology* // *Journal of Political Ideologies*. 1996. Vol. 1. No. 3. P. 303-319; idem. *Zur Natur des «generischen Faschismus» – Das «faschistische Minimum» und die «faschistische Matrix»* // *Rechtsextreme Ideologien*. P. 93-122.

¹³² Minkenberg M. *Die neue radikale Rechte im Vergleich: Frankreich, USA, Deutschland*. Wiesbaden, 1998; idem. *Context and Consequence: The Impact of the New Radical Right on the Political Process in France and Germany* // *German Politics and Society*. 1998. Vol. 16. No. 3. P. 1-23.

¹³³ Wippermann W. *Faschismustheorien: Zum Stand der gegenwärtigen Diskussion*. Darmstadt, 1972; idem/Thamer H.-U. *Faschistische und neofaschistische Bewegungen: Probleme empirischer Faschismusforschung*. Darmstadt, 1977; Wippermann W. *Europäischer Faschismus im Vergleich 1922-1982*. Frankfurt a.M., 1983; idem. *Faschismustheorien: Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute*. 7. Aufl. Darmstadt, 1997; Випперман В. *Европейский фашизм в сравнении 1922-1982* / Перевод А. Федорова. Новосибирск, 2000; «Faschismus» – kontrovers / Ed. W. Loh, W. Wippermann. Stuttgart, 2002.

¹³⁴ *Concepts in Political Science: Fascism. Vol 5: Post-War Fascisms* / Ed. M. Feldmann, R. Griffin. L., 2004; *Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / Ed. R. Griffin, W. Loh, A. Umland. Stuttgart, 2006; Eatwell R. *The Rebirth of Right-Wing Charisma? The Cases of Jean-Marie Le Pen and Vladimir Zhirinovskiy* // *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2002. Vol. 3. No. 3. P. 1-23; Beichelt T., Minkenberg M. *Rechtsradikalismus in Transformationsgesellschaften*; idem. *Rechtsradikalismus in Osteuropa*; Wippermann W. *Faschismus: Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert bis heute*. Darmstadt, 2009.

¹³⁵ Галкин А. *Российский фашизм?*; Бугера В. *Социал-фашизм* // *Марксист. Научно-политический журнал*. 1994. № 2. С. 27-54; Гурвич В. *Русский марш к фашизму* // *Кентавр*. 1994. № 2. С. 128-132; Зудин А. *Фашизм в России: образы и реальности новой опасности* // *Политические исследования*. 1995. № 2(26); Соловей В. *Россия не обречена на фашизм, но уже и не застрахована от него* // *Независимая газета*. 1995. № 55. 29 марта. С. 1, 3; он же. *Реальна ли угроза «русского фашизма» в новой России? // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума 18-20 апреля 1994 г. Ч. 1. / Под ред. А. Здравомыслова. М., 1994; Galkin A. et al. *Der russische Faschismus im Widerstreit* // *Utopie kreativ: Diskussion sozialistischer Alternativen*. 1995. No. 52. P. 65-72; *О сущности и признаках фашизма. Записка, подготовленная группой экспертов РАН* // *Московские новости*. 1995. № 39; *Угрожает ли России фашизм? Материалы «круглых столов» (1994-1995 гг.) / Под ред. Центра социальных исследований безопасности ИСПИРАН. М., 1996; Нужен ли Гитлер России? По материалам Международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность», Москва, 20-22 января 1995 г. / Под ред. В.**

Всё это могло бы остаться без особого внимания. Однако, как я уже писал ранее, Мотыль оказывает изучению постсоветского ультранационализма медвежью услугу, поскольку он запутывает обсуждение вопроса о русском фашизме¹³⁶. Действительно, в сегодняшней России есть представители разных идеологий, которых можно было бы, со сравнительной точкой зрения, классифицировать как «фашистские»¹³⁷. Некоторые из них – напр., Жириновский, Дугин – частично интегрированы в путинский режим¹³⁸. Однако самого Путина, его непосредственное окружение или «Единую Россию» вряд ли стоит понимать как «фашистские».

Поднимая ложную тревогу, Мотыль своей статьей оказывает негативное влияние как на возникновение историографии постсоветского фашизма, так и на общий ход развития россиеведения после распада СССР. Его классификация девальвирует важный аналитический инструмент исследователей русского национализма. Если сегодняшний российский режим – уже, по крайней мере, частично фашистский: к какой категории тогда отнести всех тех российских экстремистов правого толка, которые всё ещё стремятся к коренному преобразованию, по их мнению, до сих пор слишком либерального постсоветского российского государства? Если путинская реставрация царско-советских имперских традиций и под-

Илюшенко. М., 1996; Schützler H. Faschismus – ein Thema in der russischen Historiographie der 90er Jahre?; Хлюпин В. Русский фашизм как осознанная необходимость // Континент. 2000. № 6(19). <http://www.continent.kz/2000/06/22.html>; Веснин В. Угрожает ли России фашизм? // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 294-304; Ковалев В. Что же такое «фашизм»? От этимологии – к законодательному определению // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 52-54; Дадзани Л. Фашизм в России. Мифы и реалии // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 103-111; он же. Факты и мысли о русском фашизме. Дискурс // Социальное согласие против правого экстремизма. Выпуск № 3-4 / Под ред. Л.Я. Дадзани, Г.М. Денисовского. М., 2005. С. 145-215; Верлин Е. Фашизм в России больше чем фашизм // Независимая газета – Ex Libris. 2003. 27 марта. http://exlibris.ng.ru/koncept/2003-03-27/5_fascism.html; Умланд А. Современные концепции фашизма в России и на Западе; Umland A. Concepts of Fascism in Contemporary Russia and the West; Маслов О., Прудник А. Заметки по истории становления «русского фашизма» в России // Ежедневное независимое аналитическое обозрение. 2006. 28 апреля и 11 мая. <http://www.polit.nnov.ru/2006/04/28/fascism/> и <http://www.polit.nnov.ru/2006/05/11/fascism/>; Соколов М. Изучая «русский фашизм».

¹³⁶ Умланд А. Действительно ли Россия Путина — «фашистская»? Ответ Александру Мотылю // Агентство политических новостей. 2008. 2 апреля. <http://www.apn.ru/opinions/article/19627.htm>. См. также: Luks L. Irreführende Parallelen.

¹³⁷ Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма: Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. Т. 3. № 2. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Umland6.pdf>.

¹³⁸ Umland A. Faschistische Tendenzen im russischen politischen Establishment: Der Aufstieg der Internationalen Eurasischen Bewegung // Russland-Analysen. 2009. No. 183. P. 7-10. <http://www.laender-analysen.de/dlcounter/dlcounter.php?url=../russland/pdf/Russlandanalysen183.pdf>. Классифицировать сегодняшний российский режим на базе таких сближений как «протофашистский», «фашизоидный» или «фашиствующий», однако, было бы неоправданно. Также как и создание в марте 2008 либерально и прозападно настроенного Института современного развития и согласие нового Президента Д. Медведева возглавить его Попечительский совет вряд ли достаточно для того, чтобы охарактеризовать идеологию всего сегодняшнего режима РФ как «протолиберальную» или «западническую».

ходов уже «протофашистская», то как тогда классифицировать по своим целям, структурам и размерам, совершенно новые концепции российской империи, предложенные, скажем, в «Последнем броске на Юг» Жириновского или «Основах геополитики» Дугина¹³⁹?

Хотя недавняя статья Мотыля, пожалуй, самый яркий пример неадекватного подхода учёного к предмету правого экстремизма в России, многие из нас, наверное, могли бы назвать и другие случаи, когда тот или иной публицист в своей статье или книге «снова открывает Америку».

Цель нашей серии спецвыпусков

На этом фоне один из мотивов представленного здесь проекта «Форума» – это упростить для сегодняшних и будущих исследователей российского антизападничества доступ к научной литературе о его идейных основах, особенно о т.н. «неоевразийстве» и близких ему теориях и деятелях. Здесь мы не только хотим познакомить читателей с ранее неопубликованными исследованиями. Этим проектом мы также преследуем цель обратить внимание уважаемых коллег на целый ряд, как нам кажется, важных статей, которые ранее печатались в разных журналах или книгах, но не были выложены для свободного доступа в интернет и, вследствие этого, иногда оставались незамеченными заинтересованной публикой¹⁴⁰.

Поэтому условием принятия текста для публикации, помимо качества анализа, было лишь то, что статья не должна была ранее выходить на русском языке в электронном журнале, аналогичном «Форуму», как, например, в периодических изданиях, представленных в превосходном российском интернет-проекте «Журнальный зал»¹⁴¹. Поэтому мы просим информированного читателя учесть, что часть опубликованных здесь статей ранее уже выходила на русском, английском или немецком языках. Они лишь не были до настоящего момента свободно доступны в мировой сети по-русски или же были – в двух-трёх случаях – «спрятаны» на относительно малоизвестных сайтах. Собрав значимые уже опубликован-

¹³⁹ Жириновский В. Последний бросок на Юг. М., 1993; Дугин А. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М., 1997.

¹⁴⁰ Похожими мотивами руководствовались и проведенные в 2008 и 2009 гг. два проекта американского журнала «Российская политика и право» по переводу на английский язык ряда научных статей опубликованных в российских академических журналах. См.: *Theorizing Post-Soviet Russia's Extreme Right: Comparative Political, Historical and Sociological Approaches* (=Russian Politics and Law. Vol. 46. No. 4) / Transl. S. Shenfield. Ed. A. Umland. Armonk, 2008; *The Nature of Russian «Neo-Eurasianism»*. Смысл этих публикаций заключался в том, чтобы сделать переведённые исследования доступными для международного сообщества экспертов по сравнительному изучению современного мирового правого экстремизма.

¹⁴¹ <http://magazines.russ.ru/>.

ные исследования, а также ряд достойных новых работ в одном многотомном электронном сборнике, который сформируют данный и последующие номера «Форума», мы постараемся к моменту завершения проекта частично изменить ситуацию в коллективном международном изучении современных российских антизападных идеологий и идеологов – особенно тех, которые в той или иной форме выступают под лозунгом «евразийства». К предположительному концу проекта в 2011 г. большая часть достойных внимания статей по этой теме будет опубликована, во-первых, на русском языке, т.е. на «lingua franca» руссиеведения, во-вторых, на одной и той же «площадке», т.е. в нескольких номерах «Форума», и, в-третьих, открыта для беспрепятственного чтения, т.е. для свободного копирования в формате PDF.

Это само по себе ещё не решит задачу становления интегрированного научного сообщества исследователей российского радикального антизападничества. Однако мы надеемся, что упомянутое выше взаимное игнорирование коллег, работающих в этом направлении, должно уменьшиться. По крайней мере, оно станет менее легитимным, так как уже нельзя будет ссылаться на неизвестность или недоступность текстов опубликованных ниже авторов. В начале, конечно, каждому из нас это прибавит «хлопот», так как придётся – кому-то, возможно, впервые за свою публицистическую карьеру – прочитать большой массив вторичной литературы по нашей теме и принять к сведению и оценить множество интересных открытий своих «конкурентов». Однако в долгосрочной перспективе мы все выиграем от большего знания итогов исследований своих коллег и от возможного диалога между исследователями с похожими или близкими предметами или подходами. Есть надежда, что в результате проекта и последующего обширного взаимного чтения, как и возможного общения коллег, повысятся тематическая сфокусированность, историческая обоснованность, эмпирическая насыщенность и аналитическая острота будущих вкладов в нашу формирующуюся субдисциплину.